

М а р к Б У Л У А З О

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Французский ежегодник, 1966.

М.: Наука. 1967. С.28-65.

Перевод Н. И. Непомнящей

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

«Великий» Комитет общественного спасения II года Республики продолжает жить в нашей памяти¹. Созданный, чтобы действовать и побеждать, он был обязан своим возникновением террору. Так как он управлялся коллегиально, то его значение зависело от достоинств его членов, от достоинств и заслуг большинства Конвента, которое его поддерживало, и депутатов в миссии, выполнявших его поручения. В конце июля 1793 г. сложился окончательно состав комитета, просуществовавший - за исключением Эро-де-Сешеля² - вплоть до термидора. Из первого его состава³ оставались лишь Барер⁴, Робер Ленде⁵, Жанбон-Сент-Андре⁶, Кутон⁷, Приёр (из Марны)⁸ и Сен-Жюст⁹. В лице Робеспьера¹⁰, Карно¹¹, Приёра (из Кот-д'Ор)¹², Колло-д'Эрбуа¹³ и Бийо-Варенна¹⁴ в него влились новые талантливые люди, придерживавшиеся твердых, хотя во многих и различных воззрений. Почти все они принадлежали к той мелкой буржуазии старого режима, которая выдвинулась благодаря своему трудолюбию; все они были молоды - старейшему Ленде не исполнилось еще 48 лет, а Сен-Жюсту, самому младшему, было 26; все обладали административным опытом, приобретенным в департаментских собраниях или во время предшествовавших национальных собраний; наконец, все они, культурные, одаренные люди, жаждали знаний, стремились наблюдать, понимать и действовать.

В это столь грозное время их объединяла общая цель, и союз их скреплялся патриотизмом, идеалом свободы и справедливости. «У этих людей, честных, трудолюбивых и властных, было ясное представление о своих целях, которому они оставались верны а именно - повелевать, бороться и побеждать»¹⁵. Убежденные сторонники казни короля, они отдавали себе отчет в том, что, проголосовав за смерть Людовика XVI, они бесповоротно порвали с абсолютистской Европой. Спасение родины и сохранение завоеваний революции были для них неразрывными понятиями. Они забывали о себе, полностью отдаваясь своей работе. «Все то, что способствует сосредоточению [душевных сил] на собственном гнусном Я, что пробуждает интерес к мелочам и презрение к великому, должно быть отвергнуто или подавлено»¹⁶.

Без сомнения, между ними не всегда царил согласие. У них были разные темпераменты; переутомление и повышенная восприимчивость часто порождали трения. Вдобавок, в то время как Бийо и Колло склонялись на сторону санкюлотов, Приёр (из Кот-д'Ор), Ленде и Карно оставались убежденными консерваторами и отказывались вступить в Якобинский клуб. Поэтому невольно возникает соблазн предположить, следуя современной терминологии, существование между этой крайней левой и правой группировками еще одной левой, в которую входили Робеспьер, Приёр (из Марны), Жанбон-Сент-Андре, и центра с Барером и Эро-де-Сешелем. Но их действительные разногласия отступали на задний план перед требованиями, выдвигаемыми необходимостью продолжать войну.

Именно она, вынуждая Комитет мобилизовать все национальные ресурсы, заставила его вмешиваться в дела всех секторов, вникать в многочисленные подробности, все контролировать, всем руководить. Робеспьер, по всей вероятности, в конце сентября набросал в общих чертах план этой организации¹⁷, и его советам последовали.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Были сохранены в общих чертах шесть секций, созданных 13 июня, но число их сотрудников значительно возросло. В бюро, насчитывавших в начале фримера II года 67 служащих, в вантозе их было уже 252 (включая курьеров), а в прериале - 418¹⁸. Согласно Жюлиану из Карантана, бывшему профессору риторике в коллеже Аркура, а затем в Парижском университете, уволенному в сентябре и арестованному 28 плювиоза II года¹⁹, все бюро возглавлял Нюг с двумя главными секретарями: Обюссоном и Пьером. Тогда имелись, кроме секретариата, семь бюро: центральное, начальником которого был Труссель-старший; бюро регистрации (с Демервилем, другом Барера), переписки с депутатами в миссии (Шоссар) и внутренних дел (Труссель-младший), секции: военная (Дезира), иностранных дел (Мандрю), вооружений (Мобак).

Для их размещения приспособили салон Дианы. Бюро выходили в длинный темный коридор, начинавшийся от входа во Дворец Равенства; в глубине коридора были оборудованы рабочие кабинеты начальников секций. Меблировку маленького обитого зелеными обоями зала собраний составлял стол, покрытый ковром того же цвета; другая комната, отделявшая зал от Исполнительного совета, служила для совместных заседаний²⁰.

Каждое утро в секретариат поступала огромная корреспонденция: петиции, непосредственно адресованные Комитету или присланные ему Конвентом, письма депутатов в миссии, письма генералов, проекты, составленные частными лицами или членами Конвента²¹. Дела регистрировались, «классифицировались» и после краткого рассмотрения распределялись на секциям, превратившимся в скором времени в нечто вроде министерств, во главе которых стояли члены Комитета²². После Сен-Жюста военной секцией руководил Карно с несколькими пользующимися особым доверием сотрудниками. Приёр (из Кот-д'Ор) заведовал секцией вооружения, а Ленде - секцией продовольствия и транспорта. Но они не были разобщены со своими коллегами: Барер, например, составлял отчеты и писал письма, относящиеся ко всем секциям, а Робеспьер - ко многим из них. Зато функции бюро строго ограничивались практическими делами. Как и бюро Исполнительного совета, они должны были готовить ответы, рассылать постановления, хранить дела. Им запрещалось проявлять малейшую инициативу. Ленде «рассматривал все сам, без участия заведующих отделениями», и следил за выполнением своих указаний.

Право выносить решения было в своей основе строго коллегиальным. Члены Комитета собирались рано утром, «в семь часов, даже раньше», как рассказывает Приёр (из Кот-д'Ор)²³. Наиболее трудолюбивые удалялись в свои кабинеты читать депеши, в особенности военные, или выполнять специально порученные им работы. Около 10 часов присутствующие члены обсуждали дела, просто беседуя или свободно дискутируя, ибо у Комитета никогда не было ни председателя, ни повестки дня, ни регламента, ни протоколов заседаний. Так как все члены были единодушны в вопросах политики и доверяли друг другу, решения принимались без задержки и тотчас же претворялись в постановления.

В час дня несколько членов отправлялись в Конвент, чтобы принять участие в обсуждении важнейших вопросов, стоявших на повестке дня. Остальные продолжали свои занятия. С решением срочных дел никогда не медлили; но некоторые вопросы иногда откладывались для обсуждения их в присутствии члена, авторитет или познания которого могли быть полезными²⁴. Так шло дело приблизительно до пяти или шести часов вечера. Затем все расходились обедать, кто куда, некоторые наспех в соседнем трактире. Уже в восемь часов заседание возобновлялось и длилось чаще всего до часа или двух часов ночи. Министры, заходившие за постановлениями, возвращались иногда домой на рассвете.

Самыми усердными были Карно и Барер²⁵. Шумные споры не мешали им работать. В особенности Барер «марал бумагу с непостижимой быстротой... и немедленно вслед за этим бежал на трибуну Конвента». Сен-Жюст и Кутон посещали заседания менее регулярно, равно как и Жанбон-Сент-Андре и Приёр (из Марны), часто находившиеся в отъезде, так как были депутатами в миссии²⁶. Робеспьера, присутствовавшего преимущественно на утренних заседаниях, интересовало «положение с продовольствием, состояние дел на фронте, общественное мнение, заговоры и генералы»²⁷. Политические дела, общественное мнение, народное просвещение и вопросы культа, законодательство и полиция относились к компетенции «энергичных людей». Бийо и Колло, «революционеры», ведавшие перепиской с депутатами в миссии и выполнением мер по общественному спасению, признавали, «что ими было написано по меньшей мере две тысячи писем»

или постановлений» и что они ежедневно присутствовали на заседании. Что касается Приёра (из Кот-д'Ор) и Ленде, «очень занятых в своих бюро, то они являлись в каждую свободную минуту с портфелем, набитым постановлениями, с главными из которых они знакомили своих коллег». Наряду с Карно они были специалистами, «глубоко вникавшими в дела»²⁸.

Количество дел - от 5 до 600 в день - не допускало совместного их разбора. За многие из них, подготовленные в секциях, основную ответственность несли руководители этих секций. Однако присущий всем секциям дух солидарности продолжал играть свою роль, и показательно, что до термидора никто из членов и не помышлял публично протестовать против какого-либо мероприятия, хотя бы он его и не одобрял.

Несмотря на отсутствие протоколов совещаний, по спискам постановлений, даже по самой их форме можно определить личную ответственность каждого в этом огромном коллективном органе. Довольно четко различаются меры, обсуждавшиеся совместно, и те, которые исходили от секций. Первые, сформулированные одним из членов - предварительно или на заседании, - изменялись иногда при их обсуждении. Затем черновой набросок подписывался несколькими присутствовавшими членами, но ни в коем случае не менее, чем тремя. Немедленно вызывали одного из доверенных секретарей, сменявших друг друга каждые сутки, он получал подлинник или сам изготовлял необходимое число копий для рассылки. Если документ был секретным, то копии делались на специальных бланках с заголовком «Выписка из постановлений Комитета...», под выпиской ставились фамилии всех присутствовавших членов, и подлинность ее удостоверялась подписью двух членов²⁹.

Что же касается черновых набросков, присылаемых секциями, то составивший и подписавший их ответственный член секции передавал их на заседании одному из своих коллег для получения второй подписи. Приёр, например, часто поддерживал предложения Карно, который оказывал ему такую же услугу. Затем копии переписывались на бланках каждой секции. Многие документы парафировались без предварительного ознакомления с ними, что после термидора дало повод называть эту процедуру «механической операцией»³⁰. Как бы там ни было, составитель обязательно обращал внимание Комитета на важные вопросы. Несмотря на разделение труда, члены Комитета все же старались сохранить коллегиальность³¹.

Поражает исключительная активность этих людей. Она проявляется в самых разнообразных областях. Ничто их не отталкивает, ничто не оставляет равнодушными. Они излагают свое мнение лаконично. «Многословие писем и приказов правительства не является ли признаком его косности?» И Сен-Жюст нападает на бюрократов, «одержимых демоном бумагомарания, который подстрекает их к борьбе с нами»³².

Не менее удивляет их работоспособность. «Большинство сидело по 15-18 часов за письменным столом». Ленде никогда не выпускал пера из рук; «он проводил ежедневно от 12 до 15 часов со своими служащими»³³. Никаких личных отношений, никакой передышки в работе. Когда атмосфера сгущалась, то только остроумные реплики Барера «способны были вызвать улыбку на устах». Если их одолевал сон, они отдыхали урывками на двух походных койках в самом зале заседаний. На столе у каждого целый день стоял графин с водой и лежал хлеб. А обед в соседнем трактире «обходился им в 8 су»³⁴. «Привыкшие к простому образу жизни,сообразно их скромным средствам, увеличить которые, используя свое положение, никто из них и не пытался; получая, как и остальные члены Конвента, лишь небольшой оклад», они испытывали отвращение к блестящей мишуре, «являющейся обязательной принадлежностью всякой сильной власти». Они до такой степени боялись обвинения в бесхозяйственности или недобросовестности, что их пугало заведование общественными средствами. Они неохотно пользовались предоставленным в их распоряжение секретным фондом, к которому они прибегали главным образом для того, чтобы помочь снабжению столицы продовольствием³⁵.

У всех было чрезвычайно высокое чувство ответственности не только перед страной, но и перед собственной совестью. Они были далеки от мысли отказаться от этой ответственности, - наоборот, они законно гордились ею. Их удивление было действительно непритворным, когда их обвинили в диктаторских замашках.

2. ПРАВЛЕНИЕ КОНВЕНТА

Комитет общественного спасения считал себя неразрывно связанным с Конвентом. Барер говорил депутатам: «Комитет представляет собою часть, сгусток вас самих; предъявляя ему несправедливые обвинения, тем самым нападают и на вас всех»³⁶. А некоторое время спустя Робеспьер заметил: «Возложив на членов, взятых из вашей среды, ответственнейшую задачу непрестанно охранять судьбы родины, вы сами вменили себе в обязанность оказывать им поддержку своей мощью и своим доверием»³⁷. В самом деле, Комитет, избранный Конвентом и ежемесячно обновляемый, был втянут в водоворот происходившей в его недрах борьбы. Подобно министерству, зависящему от парламента, он до первых побед рисковал остаться в меньшинстве и не без труда добился необходимой ему поддержки.

С самого начала своей работы он мог опасаться, что будет сметен волной народного гнева, разжигаемого поражениями на границах³⁸, угрозой голода и пропагандой «бешеных»³⁹. 5 сентября ему удалось отбить атаки Бийо-Варенна⁴⁰. 23 - из-за смещения генерала Ушара - нападки Бурдона (из Уазы) и 25 - Бриеза. Но Конвент пошел на уступки санкюлотам, проголосовав за репрессивные меры против подозрительных и поставив террор в порядок дня. В этот решающий день Барер, а затем Робеспьер поставили вопрос о доверии. «В единодушном порыве все Собрание единогласно подтвердило права Комитета, который вышел из этого испытания возвеличенным».

Тем не менее деятельность его нуждалась в централизации и координации. Уже 1 августа Дантон предложил, чтобы до вступления в силу Конституции, одобренной громадным большинством страны, Комитет был возведен в ранг временного правительства. Перед лицом опасности проводить выборы было неудобно. По настоянию Робеспьера якобинцы согласились отсрочить их: «Правление в спокойные времена не может быть во всех отношениях равнозначным правлению во время войны и буре»⁴¹. Следовательно, возникла необходимость расширить, а затем привести в систему существующие учреждения. 4 октября Бийо раскрыл, что тревожит Комитет⁴². Обвиняя администрацию в бездеятельности, в том, что стало слишком много министерских служащих и что задерживается переписка, он настаивал, чтобы «власти ограничивались лишь выполнением своих обязанностей» и была бы «усилена ответственность». 10 октября Сен-Жюст снова поднял эти вопросы, утверждая, «что выполнение законов невозможно, если само правительство не организовано как революционное»⁴³. По его предложению Конвент декретировал, что «временное правительство Франции остается революционным до заключения мира», а затем передал Комитету общественного спасения все функции исполнительной власти. Таким образом, был подведен базис под его диктатуру, так как по существу никакой основной закон не ограничивал его прав. Это было тем более неоспоримо, что Конвент представлял собой Учредительное собрание, т. е. полностью обладал суверенной властью⁴⁴. Угрожающая стране опасность еще раз положила конец колебаниям, и народ признал диктатуру.

Чтобы придать администрации «ту силу коллективных действий, которая является принципом ее существования, деятельности и исполнения решений», Бийо 28 брюмера (18 ноября 1793 г.) предложил Конвенту «упростить» унаследованные от Конституанты «промежуточные звенья». Нужно избавить Исполнительный совет от обязанности рассылать декреты: они будут публиковаться в официальном «Бюллетене»; нужно реформировать власть на местах, передав дистриктам часть полномочий департаментов, дискредитированных федералистским мятежом; нужно, наконец, привлекать должностных лиц к уголовной ответственности.

Во время обсуждения этого проекта, которое началось 3 фримера, Дантон и Гюрио предложили заменить выборных прокуроров-синдиков назначаемыми «национальными прокурорами», и это было в конце концов принято. Зато Бурдону (из Уазы) не удалось добиться отмены министерств, ибо на Комитет «должна быть возложена выработка лишь общей линии управления: он и так уже слишком перегружен мелочной работой, у него и так слишком много следов, и незачем прибавлять к ним еще отделы министерства. Заменить министерства в данный момент было бы трудно..., и Конвент и Комитет могут превосходно использовать и (>».

Закон был окончательно принят 14 фримера (4 декабря 1793 г.). В этом документе были изложены в сжатом виде все разрозненные предложения, выдвигавшиеся во время длительной его разработки. Он стал хартией революционного правительства⁴⁵.

Отныне Комитет стал «единственным направляющим центром»; он один имел право истолковывать декреты. Все органы власти и должностные лица оказались под его непосредственным контролем. В его компетенции оказались основные вопросы внешней политики. Назначение главнокомандующих зависело от Конвента, но Комитет утверждал старших офицеров и проводил чистки в местных органах власти.

Раз речь зашла о настоящем правительстве, то почему не признать за ним это название? Такую мысль подал еще Мерлен (из Тионвиля), но Бийо и Барер решительно возражали: «Конвент правит один и должен править один... Мы являемся его аванпостом, мы его правая рука, но мы не правительство». Сен-Жюст, Робеспьер, Дантон, а затем Карно выступали в таком же духе. К тому же Комитет общественной безопасности, как и Комитет общественного спасения, именовался «правительственным комитетом». У него также были свои бюро и агенты. Обладая широкими полномочиями, он выступал в качестве «министерства террора».

Выдающаяся роль Комитета общественного спасения, взявшего на себя в стране, ведущей войну, руководство национальной обороной, заслонила собой роль всех остальных комитетов, которых упрекали за то, что они работают с прохладцем. Между тем, наоборот, они наряду с «Великим» Комитетом предложили Конвенту принять множество административных декретов, а вместе с этим Комитетом подготовили ряд докладов. Военный комитет, Комитеты общественной помощи, общественных работ и народного просвещения, даже финансов - почти всегда действовали в согласии с ним. В нивозе и плювиозе II года он принимал даже меньшее участие в прениях Конвента, чем они (правда, его постановления имели силу закона, но они почти всегда основывались на каком-нибудь декрете).

Его деятельность оставалась секретной лишь постольку, поскольку враг не должен был знать о ней. Комитет сообщал Конвенту сведения, получаемые с фронтов; он преобразовывал в декреты некоторые постановления депутатов в миссии (например, Жанбона-Сент-Андре, относившиеся к флоту). Трибуна и прения не пугали его. Кутон, Барер, Колло-д'Эрбуа выступали от имени Комитета чаще, чем Робеспьер, и защищали его политику. «Так как источником его энергии, силы и твердости являются декреты Конвента, он считает своим долгом заявить ему об истечении срока своих полномочий», - говорил Кутон⁴⁶. Не проходило месяца, чтобы кто-нибудь - Кутон в нивозе, Колло д'Эрбуа в плювиозе или Барер - не просил об их возобновлении. Каждый раз их продление утверждалось без голосования. В атмосфере энтузиазма, вызванного успехами на фронтах, как замечал Приёр (из Кот-д'Ор), «продолжение деятельности тех же самых членов даже не могло быть поставлено под вопрос»⁴⁷.

И все же им угрожала оппозиция, притом с разных сторон. 22 фримера дантонисты и эбертисты потребовали их смены. Первые, «снисходительные», желали смягчения террора и диктатуры. «Я требую, чтобы щадили человеческую кровь», - восклицал Дантон. Вторые, «ультра», наоборот, настаивали на усилении репрессивных мер. Члены парижских секций, Коммуна, санкюлоты поддерживали их. К политическим установкам присовокуплялись личное соперничество и честолюбивые стремления⁴⁸. Комитет чувствовал, что его судьба зависит от какого-нибудь мятежа, от нехватки продовольствия, от поражения на фронте. Чтобы продлить свое существование, он должен был добиваться «если не благосклонности, то хотя бы нейтралитета... со стороны наиболее беспокойных представителей крайних взглядов»⁴⁹.

В течение двух месяцев он лавировал между этими тенденциями, выступая в качестве посредника между Конвентом и населением столицы. Это неустойчивое равновесие нарушилось в конце зимы в результате ухудшения экономического положения⁵⁰.

Робеспьер все чаще предостерегал с трибуны Якобинского клуба, где он появлялся почти ежедневно: «Он [Конвент] в теперешнем составе обладает достаточной силой, чтобы избавиться от тех своих членов, которые попытались бы задержать его революционную поступь»⁵¹. В вантозе Комитет в ореоле побед защищался от нападков с риском оттолкнуть от себя санкюлотов. Он решился действовать против обеих групп, распорядившись об аресте сперва вождей кордельеров и Эбера, которого революционный трибунал приговорил к смерти 4 жерминаля (24 марта 1794 г.). Неделю спустя был в свою очередь арестован Дантон и 15 жерминаля (5 апреля) отправлен на эшафот вместе с Делакруа, Камиллом Демуленом и «подкупленными» депутатами. Затем репрессии подвергся Шометт, и началось преследование личного состава секций, общества которых были распущены, благодаря чему санкюлоты осуждались на бездействие⁵².

Комитет, уверенный в поддержке большинства членов Конвента, еще более укрепил централизацию административных органов. Исполнительный совет, бессильный и отживший свой век, был упразднен. 12 жерминаля Карно добился передачи министерских функций двенадцати Исполнительным комиссиям, «тесно связанным с Комитетом, который они должны были ежедневно держать в курсе своих работ»⁵³.

Так как Комитет являлся центром исполнительной власти, он обязан был отныне обеспечивать необходимое согласие между различными зависящими от него агентами, давать им необходимое направление, которого требовало 20-миллионное население, составлявшее колоссальное единое целое. Однако «чудовищная власть» ему не принадлежала. Карно не упускал случая указать на это: «Правительство..., в сущности говоря, является лишь советчиком народа». Будучи «непосредственным порождением, неотъемлемой частью Конвента», оно считало себя как бы ответственным перед ним.

Утверждали, что с того времени Конвент, парализованный страхом, потерял дар речи. Издевались над монотонностью его заседаний, ссылаясь на его протоколы, представляющие собой лишь безличные резюме. Безусловно, бурные грозные прения практически прекратились, но не из-за террора, а потому, что как до, так и после кризиса в жерминале законодательная деятельность сосредоточивалась в комитетах Конвента, которые без лишнего шума занимались порученными им делами, и потому, что миссии свели число присутствующих членов к 220. Однако и отсутствующие продолжали принимать участие в управлении.

Деятельность комиссаров в провинции и на фронтах нельзя рассматривать в отрыве от деятельности Комитета общественного спасения, руководившего ими.

Чтобы предотвратить возвращение федерализма, согласно закону от 14 фримера, была преобразована местная администрация. Департаменты, которые часто солидаризировались с мятежными жирондистскими депутатами, были лишены прежних прав. Их генеральные прокуроры-синдики исчезли, и задачи департаментов были ограничены «функциями городского управления», сбором налогов, мануфактурами, путями сообщения, национальными имуществами. Дистрикты, заменившие их для проведения и жизнь мероприятий общественного спасения, составили вместе с муниципалитетами и революционными комитетами механизм нового режима. Наряду с ними национальные агенты, избранные на основании баллотировки с последующей проверкой и утвержденные Конвентом, обеспечивали связь с центральной властью. Получив декреты - теперь уже не от Исполнительного комитета, а от комиссии по рассылке законов, назначенной Конвентом и из его среды - они должны были требовать немедленного их исполнения, отвечая за это своей головой.

Для революционного движения характерны были сплоченность, быстрота, эффективность, дисциплинированность. Об этом циркуляры в угрожающем тоне доводили до сведения всех органов власти. Тщательно отредактированные, они могут достойно фигурировать в антологии той эпохи. Комитет пишет дистриктам: «Закон ограничивает круг вашей деятельности, остерегайтесь когда-либо преступить его»; коммуна: «Относясь спокойно к страстям других и к своим собственным, старайтесь заслужить вашей добродетелью право карать преступление», а национальным агентам: «Не забывают..., что за вами бдительно следят... Секира закона нависла ныне над головой судьи»⁵⁴.

Для помощи в организации новых учреждений 9 нивоza в миссии были посланы 58 депутатов, которых Робеспьер советовал почаще сменять; они не имели права передачи своих полномочий⁵⁵. Стремясь предотвратить их вмешательство в работу друг друга, а также злоупотребление властью, Комитет уведомил их о желаниях правительства и приказал «неукоснительно следовать им». «Каждый из нас, рабочих Республики, изготавливает порученную нам деталь этого великого сооружения. Если мы хотим добиться стройного целого, то не будем вторгаться в чужой труд: наша сила заключается в нашем союзе, а наш союз скреплен общностью взглядов, принципов и желаний»⁵⁶. В циркуляре от 28 плювиоза говорилось: «Так как на вас возложена одна и та же миссия, у вас одни и те же интересы и вас воодушевляют одни и те же стремления, то и действовать вы должны единообразно».

Комитет предлагал депутатам образовать «неразрывную цепь»⁵⁷ с народными обществами, по большей части примыкавшими к парижским якобинцам, запрашивать их об общественном мнении, использовать при чистке органов власти, для сбора патриотических пожертвований и съестных припасов, для изобличения подозрительных, и они проявили себя как «бдительные часовые» и «драгоценные помощники».

Каждые десять дней депутаты в миссии должны были посылать Комитету сводку своих действий и копию постановлений. Они повиновались этому, считая в то же время, что циркуляры содержали не приказы, а советы⁵⁸; об этом свидетельствует вся их огромная переписка. В большинстве своем они следовали желаниям правительства, осведомляясь обо всем, выявляя причины недовольства и стараясь устранить их. В одном месте они организуют наблюдательный комитет, в другом умеряют его пыл, расследуя преступления арестованных, которых они иногда отпускают на волю. Очень часто они жалуются на трудность подбора квалифицированных администраторов и в особенности на неаккуратную доставку писем и задержку с сообщением законов⁵⁹.

Они проводили свои мероприятия с учетом местных условий, но несомненно, что в этих мероприятиях отражался характер каждого. Некоторые старались скрыть под бахвальством преступную снисходительность⁶⁰, другие, как, например, Фуше в Ниевре и Ру-Фазийяк в Дордони, проводили политику - социальную, религиозную, - выходя за пределы поставленных перед ними целей, облагая налогом богатых или вооружая безработных. Иные, наконец, слишком свирепствовали в Вандее, Лионе, Воклюзе и Тулоне. Прикрываясь парламентским иммунитетом, они часто высказывались откровенно и держались очень независимо. Они не проводили декреты в жизнь автоматически, но иногда сопротивлялись Комитету и указывали ему на его ошибки⁶¹.

Некоторые из них обладали неограниченными полномочиями и зависели непосредственно от Конвента, но адресовались к нему все без исключения: они оглашали свои доклады с трибуны и публиковали подробные отчеты о своих миссиях, чтобы ознакомить с ними общественное мнение. Будучи членами Конвента, они считали себя равными членам Комитета. Последний, однако, хотя и признавал, что не обладает над ними верховной властью, не колебался требовать от них объяснений и строго следования законам. 15 плювиоза Комитет писал Тальену и Изабо: «Подрывать авторитет Республики, становясь между правительством и второстепенными властями... быть членом Конвента и не быть охваченным тем же пламенным духом..., разве эта непоследовательность поведения не опасна?»⁶² И действительно, Комитет следил за ними и легко добивался их отзыва. Он стремился предостеречь их не столько от человеческих слабостей, с которыми он, осуждая их, мирился, сколько от поступков, вредных для дела общественного спасения. Впрочем, ответственные за эти промахи не всегда сознавали свою вину. Они иногда считали свой отзыв оскорблением, выдвигая тысячу предлогов, чтобы отсрочить его. 10 прериала Кутон предложил строго наказывать упорствующих, о которых будет публично заявлено, что они отрешены от должности и заменены другими.

Единство действий требовало полной общности мыслей. «Апостолы свободы», они должны были пропагандировать свою революционную веру, убеждать колеблющихся, поддерживать во всей стране эту якобинскую мощь, на которую опиралась диктатура.

3. ДИКТАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Революция с самого начала черпала свои силы в народе. Главной пружиной, которую использовал Комитет, были якобинские клубы - Центральный в Париже на улице Сент-Оноре и его провинциальные филиалы.

Якобинцы не обладали вполне разработанной доктриной. В Париже его приверженцы вербовались преимущественно среди мелкой буржуазии. Политическим идеалом якобинцев, выраженным в «Декларации прав», была демократия, способная охранять права индивидуума, его свободу и имущество, предоставляющая всей нации в целом возможность осуществлять свой суверенитет. Их социальная программа сводилась к более справедливому распределению собственности и богатства (но не упразднению их). Счастье граждан, по их мнению, заключалось в распространении образования, в добродетельной простоте и труде⁶³.

Якобинцы готовы были жертвовать жизнью для спасения страны. «Можно покинуть родину, когда она счастлива и преуспевает. Но когда ей угрожают, когда ее терзают и угнетают, тогда от нее не отказываются; ее либо спасают, либо умирают вместе с ней»⁶⁴. Якобинцы не останавливаются перед самыми суровыми мерами; они не идут на компромиссы и ведут борьбу, исполненные решимости и фанатизма, порождаемого уверенностью в том, что они защищают правое дело. Эта уверенность становится грозной силой, когда она оправдана обстоятельствами. Направленная против врагов революции, пропагандируемая всей сетью народных обществ, широко используемая депутатами в миссии, она в конце концов становится главным двигателем революционной работы.

Убеждения клуба формировались Робеспьером и Колло-д'Эрбуа, проявившими прозорливость и умение учитывать обстоятельства. В то время как Кутон, Жанбон и Бийо иногда показывались в клубе, остальные члены Комитета общественного спасения обычно воздерживались от этого. Якобинцев не только информировали о решениях правительства, им также предлагали указывать кандидатов на общественные должности, обсуждать проблемы, стоявшие перед Конвентом. Они даже несколько раз назначали комиссаров для сопровождения депутатов в миссии. За ними было признано право контролировать работу министерских бюро. Эта роль «надсмотрщиков» превращала их в квазиофициальный орган; вдобавок в брюмере клубу было ассигновано Комитетом безвозвратное пособие в 100 тыс. ливров. Кроме того, на него была возложена обязанность «просвещать народ».

Круг читателей «Journal de la Montagne», собственной газеты клуба, был обширен. Любая значительная речь, произнесенная с его трибуны, получала широкое распространение. Наконец, в его корреспондентский комитет поступала обильная почта из провинции и из-за границы. Робеспьер учел выгоды этой единственной в своем роде сети, функционировавшей с середины 1790 г. Он уделял особое внимание утверждению своей политической доктрины. Вспомним, как Луве описывал его поведение в клубе: «В минуты передышки, когда его язык отдыхал, его тело говорило. Даже если ты не был ни председателем, ни секретарем собрания, ты продолжал оставаться на виду, сидя в президиуме... Оттуда ты беспрестанно окидывал взглядом весь зал... Оттуда ты привлекал к себе внимание... Оттуда один твой взгляд вознаграждал твоих поклонников..., отсюда исходили твои приказы»⁶⁵. В течение II года он выступал в клубе 90 раз, в то время как Конвент посещал все реже. Зимой 1793 г. он присутствовал на заседаниях, посвященных чистке, выступив за исключение Клоотса и Фабр д'Эглантина, содействуя устранению «экстремистов».

Последние, господствовавшие в парижских секционных обществах и у Кордельеров, были настоящими санкюлотами, подмастерьями и рабочими по найму. Их активисты не обладали ни ораторским даром, ни политическим опытом якобинцев, и все же они соперничали с ними в борьбе за влияние на население столицы. Они честно работали на оборону, но в то же время являлись центром притяжения для всех недовольных, протестовали против нарушений максимума, клеймили коммерсантов, состоятельных людей, мелких хозяйчиков, рискуя каждую минуту подорвать в угоду улице весьма шаткое равновесие⁶⁶.

Правда, в провинции чаще всего не проводилось различия между якобинцами и санкюлотами. Патриоты-монтаньяры, даже мелкие собственники, называли себя санкюлотами. Смешение терминов допускалось в наименованиях народных обществ. Они образовывались повсюду, вплоть до самых маленьких городков. Смотря по обстоятельствам, они служили иногда прибежищем то федералистам, то эбертистам. Ими завладевали подчас интриганы, утолявшие свою личную ненависть и защищавшие свои классовые интересы. Ру-Фазийак боролся против обществ в Седане и Живе, Жозеф Лебон в Па-де-Кале, Пфлиже в Нанси и Гарнье из Сента в Мансе⁶⁷. Эти общества часто обрушивали на них лавину мелочных препирательств, местных соперничеств, старых судебных процессов, демагогических проектов. Были случаи, когда под маской патриотизма там орудовали контрреволюционеры, изгонявшие республиканцев. В своем «Journal universel» Одуен заявлял в плювиозе, «что злой гений ведет непрестанную войну с гением свободы»⁶⁸.

Декрет от 14 фримера отводил им, в рамках местных условий, значительную роль. Они должны были, предварительно очистив свои ряды, разоблачать интриги, позорившие общественные должности. До середины плювиоза они «обновляются», «извергая из своей среды фейянов, умеренных и новоиспеченных патриотов», чтобы оставить в своей среде только «истинных патриотов-бойцов»⁶⁹.

Прошедшие такой отбор граждане, члены этих обществ, претендовали на то, чтобы представлять народ, и притязали на права суверена. После упразднения выборов они принимали участие в чистках, выдвигали кандидатов на посты национальных агентов. Подобно своим парижским «братьям и друзьям», лозунги которых они проводили в жизнь, они считали своей обязанностью контролировать, выносить обвинительные приговоры или оправдывать. Террор, мероприятия общественной безопасности, революционные комитеты, проводившие их, заставляли призадуматься самых отчаянных фрондеров.

Можно ли отсюда заключить, что это блистательное единодушие было порождено одним лишь страхом? Реальная обстановка в земледельческой Франции, где из-за плохих дорог общины были изолированы друг от друга, по необходимости ограничивала круг лиц, способных выполнять функции администраторов. Выбирали - лишь бы они не числились подозрительными - бывших нотариусов, юристов, синдиков или приходских писцов, занимавших эти должности до 1789 г. Ведь только они могли сформулировать резолюцию, составить протокол, написать петицию. Иногда членами народного общества состояли все представители власти, и Дюфурни сигнализировал якобинцам об опасности подобного положения вещей⁷⁰. Это меньшинство направляло общественное мнение, но для этой «кажущейся воли», как определял ее Карно⁷¹, не всегда требовалась безусловная поддержка масс.

Правительство не дало себя провести. Благодаря сообщениям депутатов в миссии и многочисленным петициям оно знало, «что граждане блуждают в глубочайших потемках» и что они знакомы с декретами только по устным комментариям городских властей. Чтобы помочь освобождению народа, надо дать ему образование, являющееся уделом состоятельных людей. «Пусть наши дети, более счастливые, чем мы, научатся читать священные слова - родина и гражданин...»⁷²

Общность языка также являлась элементом политического единства. При организации революционных учреждений надо было считаться с тем, что часть Франции - Бретань, восточные пограничные области, Пиренеи и Корсика - не пользовалась государственным языком⁷³. 8 плювиоза Барер ополчился на местные наречия и добился создания контингента учителей французского языка, которых рекомендовали народные общества и назначали депутаты в миссии⁷⁴. Подобное мероприятие не могло дать немедленных результатов, равно как и создание публичных библиотек⁷⁵ и изменение надписей на памятниках⁷⁶ - своеобразной книге героических подвигов⁷⁷. Вопреки тому, что требовалось, начальное обучение было предоставлено частной инициативе, и подготовка кадров продолжала оставаться недостаточной.

Тот поток адресов, который обрушился на Конвент зимой 1793 г., исходил, следовательно, от образованного меньшинства. Все общества считали своим долгом возвещать о благотворности их обновления. Эти письма, составленные по единому образцу, в стиле, заимствованном у якобинских прокламаций, пестрящие ссылками на классиков, пародировавшие изречения Робеспьера, уверяли «Отцов отечества», «Святую Гору» в преданности народа. Все они питали ненависть к коалиции тиранов, к коварному Альбиону, к бриссотинцам, к федералистам и предателям. Многие из них требовали также «уважения к собственности и соблюдения законов».

По всей Франции они соревновались в усердии. Одно письмо (из Па-де-Кале) утверждало, что «десять тысяч обществ ломали себе голову над подысканием достаточно ярких выражений для прославления ваших благороднейших трудов»⁷⁸. Другое заклинало Конвент «по-прежнему сорвать с себя все величия тех, кто не следует неуклонно по пути революции»⁷⁹. «Оставайтесь на (вашем посту, - повторялось в письме, - множьте ваши мудрые декреты)». 12 плювиоза Кутоничисл адрес из Сен-Флур, доставшийся в Комитету общественного спасения: «Пусть не снимают членов этого Комитета с поста, на котором они приносят такую пользу обществу и народу. Комитет - это зрительный и неутомимый часовой, сменить которого было бы опасно»⁸⁰.

Тронутый этим доверием, Конвент старался поддерживать его. Он тоже обладал мощным средством пропаганды - своим «Бюллетенем». Рассылаемый всем администрациям и армиям, он воспроизводил в выдержках этот хор восторженных оваций. При этом старались устранять из него «фальшивые ноты», жалобы, касающиеся продовольствия. Подобной чистке подвергались и официальные протоколы заседаний. Редко можно встретить там требования граждан - Комитет по петициям пересылал их непосредственно заинтересованным Комитетам, не докладывая о них Конвенту. Так укреплялось мнение, будто признание режима носит национальный характер⁸¹.

Особенно ярко это видно в отношении религиозной политики. Известно, что дехристианизация в ее идеологическом аспекте одобрялась сперва якобинской буржуазией и большинством членов Конвента. Оппозиция к ней Комитета общественного спасения диктовалась лишь опасением, что она может способствовать увеличению числа врагов Республики⁸². Робеспьер подчеркивал это 22 фримера: «Хотели внушить народу, что якобинцы ведут войну против культа... Прошу, чтобы не заходили слишком далеко с мероприятиями, которые полезны сами по себе, но которые не исключают злоупотреблений»⁸³.

Большая часть населения, особенно в сельских местностях, все еще придерживалась католических догматов, даже когда она выступала против священников. Она приняла, как наименьшее зло, культ Разума, отождествляемый ею, начиная с плювиоза, с культом Верховного существа⁸⁴. Для нее бог продолжал существовать, несмотря на святотатства. Женщины молчали, а молодежь приветствовала ауто-да-фе, нарушавшие монотонную деревенскую жизнь. Даже сами священники, которых хотели лишиться жалованья, редко оказывали сопротивление. Многие из них, сняв с себя сан, женились, поступали на военную службу⁸⁵, становились членами народных обществ, председательствовали на открытии новых храмов и прославляли Свободу и Разум.

Церкви и храмы, закрытые согласно декрету 3 фримера, снова использовались⁸⁶. Их разрушали редко, а дома священников сдавали в аренду. Зато здания, где совершались богослужения по католическому, протестантскому или еврейскому обряду, очищались от «погрешностей фанатизма». Статуи уничтожались, серебряную утварь и церковные ценности отправляли на монетный двор. Каждый такой взнос сопровождался победным бюллетенем с требованием его публикации. Повсюду старались придерживаться революционного календаря и соблюдать отдых в десятый день декады. Так как все было секуляризировано, коммуны переименовывались, а детей награждали странными именами. Изобилие подобных нововведений уже само по себе создавало атмосферу оптимизма. Его психологический эффект был неоспорим, «но успех Комитета был относительным, и в провинции дехристианизация продолжалась, сея раскол в народных слоях»⁸⁷.

Параллельно с этим входили в обычай светские празднества. До II года они уже торжественно отмечались в виде благодарственных молебствий, благословения знамен, похоронных обрядов. Начиная с лета 1793 г., и особенно после 15 брюмера⁸⁸, были установлены официально праздники Свободы, Мучеников, в честь Лепелетье, Марата и Шалье, в ознаменование Побед. Они приобрели особую пышность в нивоze и плювиозе, когда отмечалось взятие Тулона. В Париже церемония по поводу этого события происходила 9 нивоza по сценарию, составленному Давидом: импозантное шествие, в котором принимали участие делегаты 48 секций и Конвента, двигалось от Ситэ к Тюильри. Увеселения продолжались до глубокой ночи; о них еще долго вспоминали⁸⁹. Годовщина падения Людовика XVI (10 августа), посадка деревьев Свободы, отмена рабства, распашка полей, добыча селитры - все служило поводом для празднеств.

В провинции они тоже привлекли множество народа. В них отражались попеременно все аспекты революционной борьбы: ненависть к англичанам, сожжение феодальных документов, статуй святых и триумф Разума⁹⁰. На обломках католицизма возникла новая форма общности, воодушевлявшаяся патриотизмом как верой. Мало-помалу патриотические шествия стали заменять религиозные процессии⁹¹. По распоряжению местных властей их возглавляло «наивное детство, надежда Родины», в то время как «почтенная старость замыкала их». Пенье и танцы чередовались на пути к костру, где сжигали изображение «гносного Питта» и деревянные статуи святых, исторгнутые из часовен. Иногда также имитировались триумфальные шествия римлян, и гарнизонные войска присоединялись к гражданам. Наконец, эти празднества часто превращались в маскарады. Подробные описания их посылались Конвенту, который вначале оглашал их полностью, а впоследствии ограничивался кратким их изложением.

18 флореаля (7 мая 1794 г.) Робеспьер определил цели празднеств и попытался установить определенный распорядок их проведения. Признание бессмертия души и существования Верховного существа успокоило верующих, горячо приветствовавших новый культ⁹². Конвент вновь стал получать письма с выражением доверия, в которых его приравнивали к божеству. Теперь уже он даровал людям мощь, необходимую для победы.

Среди стимулов, послуживших основой для сплочения якобинцев, решающим был патриотический накал. Революционная борьба не делала разницы между внешними и внутренними врагами. Для защиты территории, для поддержания усилий солдат ничто не могло быть слишком прекрасным или слишком великим. Молодые люди громогласно заявляли о своем желании «мчаться к границам». Уроженцы Бриансона или уроженцы Жонзака клялись «отдать свою кровь для защиты свободы». Народные общества снаряжали на свой счет якобинскую кавалерию, проводили подписку на постройку кораблей, собирали для армии пожертвования натурой и деньгами.

Без сомнения, некоторыми руководила тайная заинтересованность, возможность приобрести недорогой ценой столь необходимое доказательство благонадежности. Но обездоленные участвовали в этих мероприятиях без всякой задней мысли. Их скромные приношения, рубашки, ассигнат, присланный каким-нибудь мальчуганом, лишившимся из-за этого своих «развлечений», их бесхитростные письма еще сейчас возбуждают симпатию. Женщины щипали корпию для раненых тоннами, собирали одежду, одеяла, чулки и обувь. Конвент составлял подробные списки этих огромных жертвований, стараясь ничего не пропустить и заслушивая их бесконечный перечень ежедневно.

Все это внушало уверенность в том, что война популярна и что Конвент должен вести ее «беспощадно и неуклонно» до полной победы.

4. РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ и ДИПЛОМАТИЯ

Победа «предполагала наличие таланта и власти, для нее требовалась координация военных действий. Но военная власть - неотъемлема от законодательной власти суверена»⁹³. Чтобы преградить дорогу цезаризму, отказались от создания Генерального штаба, и тем более от назначения генералиссимуса⁹⁴, так как и тот и другой были бы независимы от Конвента и Комитета общественного спасения. Следовательно, явилась необходимость ввести туда «специалиста-патриота». Выбор пал на Лазаря Карно.

Выделявшийся среди депутатов в миссии при армиях, предложенный, без сомнения, Барером, - причем его кандидатура была поддержана Приёром, - он был вызван в Париж 6 августа и на другой день впервые подписался под списком постановлений. Его избрание было оформлено 14 августа, и он тотчас же впрягся в нечеловеческий труд, «рискуя своей репутацией, своей карьерой и своей жизнью. На этом поприще он стал великим Карно»⁹⁵. как пишет его биограф Марсель Рейнар.

Среди его коллег военными вопросами интересовались Бийо и Эро. Робеспьер, который, по словам Симона Дюпле, ничего не смыслил в тактике, уделял зато особое внимание подбору генералов, цивизму войск. Уже в апреле 1793 г. он намечал срочные реформы: «Нужно очистить армию от всех подозрительных офицеров, которые еще имеются в ней, и заменить их испытанными друзьями равенства и Республики; ни в коем случае не терпимо, чтобы наши генералы безнаказанно нарушали законы и наши принципы; нужно благоговейно заботиться о нуждах солдат»⁹⁶. Сен-Жюст, наконец, с 30 мая занимавшийся этими проблемами и игравший значительную роль в военном комитете, был в достаточной мере инициативен и компетентен и продолжал вмешиваться в решение военных вопросов. Но Карно, достоинства которого он признавал, скоро начал отвечать за все относящееся к войне, пользуясь огромной властью без четких границ.

В первую очередь он вплотную занялся координацией работы органов, заведовавших делами армии. Военный комитет, председателем которого был Бийо-Варенн, быстро ограничил свою деятельность подготовкой законопроектов и рассмотрением петиций, посылаемых ему Конвентом. Но военное министерство, где царствовали Бушотт и - в лице его помощника Венсана - эбертисты, повело против Карно скрытую борьбу⁹⁷. Вдобавок мероприятия, относившиеся к военным кадрам, задерживались из-за халатности бюро, а их агенты противились действиям депутатов в миссии, которых они считали слишком робкими.

Потребовалось падение Эбера, чтобы эту враждебность сменило проникнутое взаимным доверием сотрудничество, которое установилось с исполнительными комиссиями лишь после 12 жерминаля, причем комиссией по перемещению и организации армий фактически руководил Карно. Однако, так как генералы переписывались непосредственно с военной секцией, она расширила свою деятельность. Ей был придан исторический и топографический кабинет, создана группа чертежников. Карно взял секретаря - Майе и подобрал служащих (в прериале их было 44) из своих земляков, бургиньонцев или arrasцев - людей, чьи способности могли быть полезными, независимо от их происхождения. Вместе с Пфлиже он увеличил кадры кавалерии, а вместе с Эбле и маркизом де Монталамбером - кадры артиллерии. От всех он требовал соблюдения такой же строгой дисциплины, какую вменял в обязанность самому себе.

Он являлся утром очень рано и уходил последним, и многое в коллегиальных решениях исходило от него. По его же словам, он принимал участие «во всех совещаниях Комитета», за исключением того времени, когда находился в миссии в Северной армии⁹⁸. Он отправился туда 25 сентября 1793 г., после того, как Ушар, не сумевший развить свой успех под Гондсхооте (6-8 сентября 1793 г.), был заменен Журданом. Карно, который считал северную границу наиболее опасной, уже в августе убедил Комитет сосредоточить там свои усилия. Когда осада Дюнкерка была снята, во вражеском окружении оставались Ле Кенуа, Камбре и Мобеж. По плану Журдана армию направили против Мобежа. 16 октября победа под Ватиньи, где депутаты в миссии сражались бок о бок с генералами, отбросила герцога Кобургского к Самбре, и авторитет Карно еще возрос. Эта победа была одержана благодаря энтузиазму войск, призванных по мобилизации, этой армии «карманьолок», над которой издевались за границей. Отныне она пользовалась доверием Карно, и прямое участие в бою, единственное в его карьере, изменило его взгляды. До этого времени он находил, что, согласно традиции и Вобану, главная роль принадлежит крепостям, служащим опорой для военных действий. Он не умел до этого времени извлекать выгоды из громадных возможностей маневрирования, которые предоставлялись столь обширными кадрами. Действительно, 15 июля Сен-Жюст считал, что под ружьем находится 470 тыс. человек; после массовой мобилизации число их достигло 600 тыс. человек, и в январе 1794 г. - 700 тыс. - приблизительная цифра, которую Карно, несмотря на все усилия, не смог уточнить, так как командиры отдельных частей поддавались соблазну преувеличивать наличный состав, чтобы получать больше денег на жалованье солдатам и больше пайов.

В то же время эта разношерстная масса внушала тревогу; в ней было разное отношение к линейным войскам и волонтерам, «белозадым» и «синему фаянсу» (по цвету их формы); дисциплина была неустойчивой, и отлучки - даже дезертирство - частым явлением. Эти проблемы вынудили Карно действовать осторожно. Вместо всенародного ополчения, которого требовали эбертисты⁹⁹ и в результате которого к границам двинулась бы анархическая, плохо вооруженная, недисциплинированная масса, он объявил 23 августа 1793 г. мобилизацию семи призывных возрастов, причем только холостяков, от 18 до 25 лет. Разделению на бригады, которое противопоставляло линейные батальоны добровольцам, Комитет предпочел амальгаму, обеспечивавшую полубригаде большую спаянность. Со временем ему удалось добиться признания своей точки зрения¹⁰⁰.

Параллельно с этим обновлялись кадры. 21 февраля 1793 г. были установлены единые правила повышения в чине; избирались одни только капралы; треть вакантных должностей замещалась по старшинству. Исключение дворян, которого требовали парижские секции и якобинцы, никогда не проводилось полностью; их оставляли на службе, «если они были незапятнанными», а в дальнейшем выпускники школы Марса обеспечили смену¹⁰¹.

Дисциплина была восстановлена. Отослали обратно «амазонок», следовавших за армиями. Карно настаивал на строгом контроле за отлучками, на надзоре за госпиталями, где отпуска давались лишь тем выздоравливающим, кто страдал «ностальгией»¹⁰². Военный суд в усиленном составе, беспощадно каравший эмигрантов, бунтовщиков и дезертиров, проявлял милосердие к солдатам, и военные трибуналы создавались только в исключительно серьезных случаях, например в мозельской армии в флореале II года (май 1794 г.).

Хотя коллективные петиции были запрещены в декабре 1793 г., Конвент и Комитет продолжали принимать их от солдат. Солдаты посещали клубы, выставляли напоказ свои кокарды как фетиш¹⁰³, получали «Бюллетень» и патриотические газеты, начиная с «Journal Universel» Одуэна и кончая «Pere Duchesne». По распоряжению Карно для них издавалась газета «La Soiree du Camp». Конституция 1793 г. была представлена им на рассмотрение, как и всем прочим гражданам. Празднества поддерживали в них цивизм; согласно декретам, им предоставлялась часть имущества эмигрантов, раненым назначались пенсии, их семьям - пособия¹⁰⁴. Считалось, что главным условием победы является не столько численность войска, сколько его отвага, а она зависела «от успехов республиканского духа в армии». И хотя сознание выполненного долга должно было служить достаточной наградой за отвагу, все же ее особо отмечали в приказах, а героям вручали почетные шпаги и давали денежные вознаграждения.

Требовались также молодые генералы-патриоты. Гош, Марсо и Бонапарт в 24 года командовали армиями; в 1793 г. Журдану было 32 года, а Пишегрю 33. В фримере Конвент оставил за собой право назначать на важнейшие командные должности кандидатов, предлагаемых Комитетом. Воспоминание о Лафайете и Дюмуре постоянно тревожило его. Робеспьер и Колло-д'Эрбуа, вместе с Карно ожесточенно боролись с неспособностью, халатностью, отсутствием гражданской доблести. «Генералы, времена невыполнения приказов прошли». И циркуляр от 15 фримера добавлял: «В свободном государстве военную власть следует как можно больше ограничить; это мощный рычаг, приводимый в движение народной волей... Неподчинение генералов - вот что причиняет наибольший вред общественному делу...»¹⁰⁵. Поэтому Комитет требовал от них строжайшего повиновения и ежедневных письменных отчетов¹⁰⁶.

Приговоры революционного трибунала, вынесенные среди прочих, Кюстину и Ушару, ускорили подчинение военачальников гражданской власти, и благодаря этому она стала доверять им хотя бы настолько, чтобы не приписывать их неуспехи измене. «Неудача - не преступление, когда было сделано все, чтобы добиться победы», - заявлял Карно. Иные, вроде Гоша, слыли эбертистами, но в бою расхождения во мнениях исчезали. Родилась подлинно национальная армия, и «такие люди, как Мармон и Сульт, не без волнения предавались воспоминаниям о чудесной атмосфере во время их служения Неделимой»¹⁰⁷.

Для новой армии требовалась и новая стратегия. «Военное искусство монархии нам уже не пригодно, - говорил Сан-Жюст 19 вандемьера, - люди другие и враги другие»¹⁰⁸. Старый метод кордонов и осад устарел, и ставка делалась на численность войск. Генерал Гримоар, советник Комитета до июля 1793 г., ратовал за «массовую войну» и за штыковой бой, без осторожного маневрирования и без развернутого фронта стрелков; Сент-Жюст и Гош были сторонниками этой системы¹⁰⁹.

Чтобы сделать войска более маневренными, Карно, по предложению Бартелеми, адъютанта Ушара, разбил их на дивизии. При содействии Журдана эти корпуса, насчитывавшие по 10 тыс. человек, с приданными им кавалерией и конной артиллерией, превратились в тактические соединения, способные быстро сосредоточиваться.

С другой стороны, необходимо было дать выход напористости, ярости войск и их отваге в атаках с применением холодного оружия. Карно приказывал наносить внезапные удары, «завязывать при всякой возможности штыковой бой и неустанно преследовать врага до тех пор, пока он не будет окончательно сокрушен»¹¹⁰. «Атакуйте, постоянно атакуйте», - говорил он 27 мая 1794 г. О том, чтобы брать пленных, не могло быть и речи: никакой пощады англичанам и ганноверцам. Добиться быстрой победы можно было только войной на уничтожение. «Война - это жестокая вещь, мы должны либо вести ее до победного конца, либо возвратиться к нашим домашним очагам»¹¹¹.

Чтобы предохранить от гибели гражданское население, Карно приказал эвакуировать его из районов, захваченных врагом; он поощрял также систематическое ограбление завоеванных стран, создав для того «агентства по эвакуации»; он делал это из убеждения, что война должна кормить войну. Бонапарт в своих прокламациях приводил подобные же аргументы. Впрочем, до него новая стратегия применялась плохо; солдаты II года сражались обычно в развернутом строю, обстреливая противника с расстояния в 100 метров (дальнобойность ружья системы Грибовалея), приближаясь к нему под прикрытием неровностей почвы, а затем в благоприятный момент переходя к штыковому бою. Быстрота и натиск играли большую роль, чем тактика, которой, к счастью, противник тоже не мог похвастаться.

Реорганизация войск и изменение методов сражения осуществлялись во всех армиях, благодаря депутатам в миссии, выбору которых, как и руководству ими, Комитет уделял исключительное внимание. Прежде всего они тоже должны были внушать доверие, и Сен-Жюст особо подчеркнул это 10 октября 1793 г.: «Они должны быть отцами и друзьями солдат... спать в палатках... присутствовать на военных учениях... не сближаться с генералами... Они должны быть готовы днем и ночью выслушивать солдат». Они должны есть в одиночку, «быть нетребовательными и не забывать, что отвечают за общественное спасение...»¹¹². Сам Сен-Жюст вместе со своим другом Леба служил примером, находясь в Рейнской армии¹¹³. Вот что писал он 17 брюмера Пишегрю: «Генерал, Комитет общественного спасения требует, чтобы предписываемые им передвижения войск совершались с быстротой, обеспечивающей победу. По нашему замыслу, послезавтра вечером все должно быть готово в Букеноме, а вы обязаны сегодня же отправить ваши распоряжения генералу Гошу, чтобы он дал соответствующие указания войскам, которые там соберутся тотчас же после сбора. Мы пишем Комитету, чтобы уведомить его о том, чего мы ожидаем от вас в настоящий момент. Советуем вам хранить в тайне ваши боевые операции. План выработан, остается только следовать ему. Нужны дела, а не слова. Возможно, будут стараться задержать нас; надо действовать»¹¹⁴.

Так как должность комиссаров военного министра была упразднена весной 1794 г., вся власть принадлежала депутатам в миссии. Ограничить ее могли только prerogatives генералов, военным операциям которых они не должны были мешать. Во всяком случае, их присутствие не только поднимало дух; с их помощью устранялись трудности со снабжением, транспортом, улаживались внутриармейские конфликты. Были блестящие миссии, и были другие, менее известные, но все-таки не менее эффективные.

Кое-кто из депутатов забывал о своем долге по отношению к Комитету, оспаривая его директивы. Карно разъяснил им, что «их взгляд на вещи, как бы прекрасен он ни был, не может заменить мнение народа». В их обязанности входило лишь следить за выполнением приказов правительства; оно одно, посвященное во все тайны, составляло планы кампании, «приводя их в соответствие с духом нации», «основывая их на ресурсах» всех армий¹¹⁵.

В конце января 1794 г. было решено провести общее наступление. Между Дюнкерком и Швейцарией были сосредоточены две трети вооруженных сил. Преобладающая роль оставалась за Северной армией, но ее поддерживали действия остальных одиннадцати. В то время как главные силы направлялись к Шарлеруа и Льежу, Рейнская и Мозельская армии двигались на Трир, а Альпийская и Итальянская обеспечивали переходы в Альпах. Наступлению предшествовала тщательная подготовка. Карно, как позднее Бонапарт, собрал обширную информацию, обложился картами и вдохновлялся идеями Ладитте-Кляве. Затем этот план обстоятельно обдумывался и приспособлялся к новым условиям. Его видоизменяли и уточняли в ходе боев¹¹⁶.

После утверждения выбора военачальников каждый из них получил инструкции Комитета. Гош, запоздавший с наступлением на Трир, был 20 марта посажен в тюрьму, и в Мозельской армии его заменил Журдан. Несмотря на эти перемены, результаты первой фазы операций были разочаровывающими, и казалось, что «общая система» осуждена. Для победы при Флерюсе (26 июня 1794 г.), благодаря которой была завоевана Бельгия, понадобилось вмешательство Сен-Жюста, предложившего оказать давление на фланги врага¹¹⁷. В то же время Пиренейская армия продвигалась в Испании с востока в Каталонию и с запада в Сен-Себастьян (между тем как в итальянском направлении Карно сдерживал пыл Бонапарта, который стремился вместе с Робеспьером-младшим вторгнуться в Пьемонт). Противник всюду был отброшен от французских границ еще до термидора.

Внутри страны с зимы 1793 г. восстания были либо подавлены, либо пресечены, - так было с Лионом, захваченным мятежниками¹¹⁸, и Тулоном, который 29 августа роялисты сдали вместе с флотом адмиралу Гуду¹¹⁹. Этим успехам содействовала революционная армия. Создание ее было в принципе решено в июне 1793 г.; 5 сентября оно было одобрено. Набор шести тысяч пехотинцев и

тысячи двухсот артиллеристов производился революционными комитетами и парижской коммуной, но высший офицерский состав избирался Комитетом. В принципе деятельность этой армии должна была ограничиваться прикрытием транспортов с продовольствием и полицейскими функциями. Отдельные отряды были посланы в Лион и Вандеу. В провинции депутаты в миссии последовали этому примеру; Гемберто произвел набор такой же армии в Туре, а Шаль - в департаменте Нор¹²⁰.

С помощью контингентов из Оверни Кутону удалось 8 октября подавить лионское восстание, и Комитет поручил Колло-д'Эрбуа и Фуше организовать карательные мероприятия, которые у них выродились в кровавую бойню¹²¹. Тулон, осажденный войсками Дюгомье, капитулировал 19 декабря; по распоряжению Барраса и Фрерона было расстреляно несколько сот мятежников¹²².

Операциями против Вандеи руководил в Комитете Сен-Жюст. Туда был послан в конце августа гарнизон освобожденного Майнца. Несмотря на соперничество между депутатами в миссии и генералами-санкюлотами, католическая армия, разбитая в Шоле, была отброшена к северу от Луары, где она примкнула к шуанам. Потерпев поражение у Гранвиля, где Лекарпантье поддерживал боевой дух в войсках, она вновь направилась к Мансу и там ее разгромил Марсо. После нового поражения в Савенэ, 23 декабря остатки ее соединились в Марэ с войсками Шаретта, которому удалось вдобавок захватить Нуармутье. Партизанская война затянулась, несмотря на «адские колонны» Карро. Но Вандея, предоставленная своим собственным силам, перестала быть серьезной угрозой¹²³.

Комитет смог тогда избавиться от местных вооруженных контингентов, которых он считал очагами феодализма. Они были распущены 14 февраля, и офицерам, отказавшимся сдать оружие, грозила смерть. Очередь парижской революционной армии наступила 7 жерминаля.

На море работа Комитета принесла меньшие результаты. Эскадры, военные порты, экипажи - все было дезорганизовано из-за эмиграции или нелояльности большинства кадров. Согласно Камбону, в июле 1793 г. французские порты располагали всего лишь шестью готовыми к отплытию линейными кораблями. Измена Тулона еще более сократила их число. Англия же получила подкрепления от Испании и Голландии. Сен-Жюст сигнализировал об опасности в начале II года: «Вы должны охранять рейды, быстро построить возможно больше кораблей».

Как и для сухопутной армии, здесь действительно необходимо было единство руководства. Морской комитет и министерство работали разобщенно. Связь между ними от имени Комитета общественного спасения осуществляли Жанбон-Сент-Андре и Бреар. И в Бресте и в Тулоне они принимали постановления, обязательность которых распространялась на все порты.

Проблема набора была лишь частично разрешена строгим проведением в жизнь морского наказа и вербовкой матросов и офицеров торгового флота. Были призваны также отряды сухопутных войск. Их различная подготовка и недостаток опыта требовали усиления дисциплины. В ожидании выработки кодекса был издан 16 нивоза (5 января 1794 г.) декрет, налагавший суровые наказания на матросов и офицеров. Уход с поста во время сражения карался смертью, а лица, ответственные за гибель корабля, представляли перед революционным трибуналом.

В портах, торговых и военных, обращение с рабочими и гражданскими служащими было столь же суровым. Строевой лес реквизирувался. Канатное производство, производство кабелей, прокатные станы для меди приспособлялись для использования в целях флота. Зафрахтовывались новые корабли, и от торгового флота требовали предоставления транспортных судов и второстепенных единиц. Благодаря опытности инженеров, вроде Форфе, и революционному порыву рабочих объем работ по строительству фрегатов в три раза превзошел объем работ англичан. Таким образом, были усилены эскадры, руководство которыми поручалось адмиралам-патриотам. В числе их были Вилларе Жуайез и Мартен¹²⁴.

Но для вождения кораблей недостаточно одного патриотизма; в морском бою нужно уметь маневрировать. Военно-морская стратегия ничуть не прогрессировала.

Господство англичан в Средиземном море оставалось неизменным, хотя им и не удалось полностью захватить Корсику, чьи порты удерживал депутат в миссии Лакомб-Сен-Мишель. Зато в Атлантике брестская и шербурская эскадры успешно сопротивлялись блокаде побережья и прикрывали транспорты зерна, посылавшиеся нейтральными государствами. Именно во время подобной операции, в начале прериала (28 мая - 2 июня 1794 г.) затонул «Мститель». Его одиссея вызвала живейший отклик во всей Франции. Народные общества объявили сбор пожертвований, и дары стекались в изобилии. С другой стороны, многие офицеры торгового флота, относившиеся с пренебрежением к второстепенным званиям, представляемым им в военном флоте, получали патенты на каперство и снаряжали быстроходные корабли в Сен-Мало, Лориане, Канкале. Они нападали, как корсары, на вражеские торговые суда. Конвент им это разрешил в январе 1793 г., а Комитет поощрял их, уделяя экипажам значительную долю добычи¹²⁵.

Несмотря на эти стимулы, французским военно-морским силам не удалось ни осуществить замышлявшийся в конце сентября 1793 г. десант на английском побережье, ни отвоевать у Англии захваченные ею колонии. Впрочем, Сан-Доминго, самый большой из Антильских островов, остался в руках у негров под предводительством Туссена Лувертюра; их склонило на сторону Конвента уничтожение рабства (16 плювиоза - 4 февраля 1794 г.).

Для успешной войны на море необходим был мир на континенте. Но Комитет общественного спасения не собирался следовать политике Дантона. Переговоры о мире привели бы к ослаблению усилий народа. Комитет уверял поляков в своей моральной поддержке, но отказал Костюшко в какой-либо денежной помощи. Никакого хода не было дано также проекту создания лиги нейтральных государств, в которую входили бы Швеция и Дания. Робеспьер, советовавший в марте 1793 г. «приложить все усилия, чтобы побудить Турцию совершить нападение на императора и на Россию»¹²⁶, молчал. Однако предполагали, что он хочет мира, и приписывали ему инициативу переговоров, которые вел граф де Монгайяр в мае 1794 г.¹²⁷

Комитет, на который по декрету от 20 вантоза (10 мая 1794 г.) было возложено руководство дипломатией, ограничился тем, что аккредитовал поверенных в делах при нейтральных государствах. В Соединенных Штатах он сместил Жене, жирондистские симпатии которого были общеизвестны. Грувель в Копенгагене, Бартелеми и Ваше в Швейцарии информировали его о настроениях членов коалиции, об их разногласиях и заботились об охране французских торговых связей. Из уважения к этим государствам отказались от революционной пропаганды, вызывавшей их недовольство, и, до некоторой степени, от политики аннексий. Поэтому Женева не была оккупирована, а Конвент не ратифицировал соглашение, заключенное Монбельяром¹²⁸.

В оккупированных странах придерживались осторожности и не навязывали им наперед политического режима, ибо «те, кто хотят предписывать законы с оружием в руках, неизбежно будут казаться лишь иностранцами и захватчиками». И Робеспьер добавлял: «Отдадим судьбы народов в их собственные руки... Если они захотят присоединиться к Франции, Конвент обсудит этот вопрос; если они захотят образовать отдельную и независимую республику, мы заключим с ними союз...»¹²⁹ Только после термидора возобновились аннексии, затянувшие конфликт.

Итак, победа была завоевана ценою жертв, к которым революционное правительство смогло призвать страну. Эту победу организовал не один Карно, а весь Комитет в целом, используя энергию депутатов в миссии и опираясь на патриотизм солдат и моряков; все имеют право претендовать на свою долю в этих исключительных заслугах. Этому способствовали также раздоры среди членов коалиции, заурядность их генералов и польское восстание¹³⁰.

5. ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И НАУКА

«Мало того, что у нас есть солдаты... Оружие! Оружие и продовольствие - вот в чем насущная нужда!» Этот отчаянный призыв Барера 23 августа 1793 г. был вполне обоснован. Главные предприятия в Мобеже, Шарлевилле, Сент-Этьене, Клингентале, городах, оккупированных или находившихся под угрозой вражеской оккупации, работали медленно, и не исключалась опасность, что недостаток сырья совершенно парализует их. Запасы оружия были ничтожны: парижский арсенал располагал только 9 тыс. ружей, требовавших ремонта, 7 тыс. старых ружейных стволов и 500 парами пистолетов¹³¹. Генералы били тревогу, а реквизиция охотничьих ружей не могла сколько-нибудь спасти положение.

Робеспьер, выступая 11 августа в Якобинском клубе, уже набросал в общих чертах план действий, порожденных отчаянием. Декрет о всеобщем ополчении повторил этот план; известен его 3-й пункт: «Дома, принадлежащие нации, будут превращены в казармы, общественные места - в оружейные мастерские, земляной пол погребов будет промываться, чтобы извлечь из него селитру». Комитету общественного спасения поручили позаботиться об этом, и ему было отпущено 30 миллионов на покрытие расходов. Чтобы помочь бойцам и ускорить победу, он мобилизовал все ресурсы страны, вся ее экономика была поставлена на службу обороны. Франция сделалась настоящей «осажденной крепостью».

Приёр (из Кот-д'Ор), отозванный в октябре из своей миссии, вдохнул жизнь в секцию вооружений и расширил ее деятельность. Контроль за военными материалами и боеприпасами осуществлялся тогда тремя министерствами. Управление производством пороха, созданное в 1775 г. Тюрго вместе с Лавуазье, зависело от министерства государственных налогов, в то время как управление рудниками было придано министерству внутренних дел, а управление производством оружия, учрежденное в конце августа 1793 г., - военному министерству. Методы работы оставались теми же, что и при старом

режиме, и их медленные темпы не соответствовали уже изменившимся обстоятельствам. Установление революционного правительства способствовало координированной деятельности этих различных отделов.

Администрация, ведавшая изготовлением оружия, была 22 брюмера непосредственно подчинена Комитету, а 13 плювиоза из нее и чрезвычайной комиссии по вооружениям создали настоящее министерство вооружения. Его власть распространилась на управление производством пороха, центральную администрацию Парижа, администрации, ведавшие тяжелой артиллерией и хранением оружия. Декрет от 12 жерминаля усугубил эту централизацию, передав в ведение Комитета и рудники.

Бенезек, офицер инженерных войск, бывший ученик школы в Мезьере, подобно Карно и Приёру, руководил этой комиссией вместе с Каноном. В конце флореаля ее разбили на шесть независимых друг от друга агентств, непосредственно подчиненных секции вооружений, число ее служащих с 22 в нивозе возросло до 60 в вантозе, т. е. равнялось почти четверти персонала Комитета. Руководство Приёр возложил после Мобака на одного из своих земляков - Шабёфа и разработал организацию агентств до мельчайших деталей. Сохранилось свыше тысячи постановлений, написанных им собственноручно.

Их деятельность не ограничивалась подготовкой и рассылкой постановлений и корреспонденции; они создавали также подлинные исследовательские бюро, где изучались технические проблемы. Дополнением к ним служила группа чертежников - в прериале их было 11¹³². Наконец, чтобы найти способы возместить недостаток сырья, импорт которого был затруднен из-за английской блокады, заручились содействием ученых. Для этого Комитет обратился к Монжу, создателю начертательной геометрии, члену Королевской академии наук и бывшему морскому министру; к химику Фуркруа, прославившемуся своими анализами крови и молока; к доктору Бертолле, который с 1785 г. занимался изысканиями по белению тканей при помощи хлора и крашению; к математику Вандермонду, к Гассенфрацу, работавшему препаратором у Лавуазье, а также Шапталю, несмотря на компрометировавшие его отношения с федералистами Эро.

Они группировались вокруг Гитона-Морво, который был не только известным химиком, но и энциклопедически образованным человеком, юристом и натуралистом, тушевавшемся перед Приёром. В общем деле участвовали и другие: физик Перье, директор одного из крупнейших Металлургических заводов в Шайо, химик Дарсе и его ученик Пелтье, Дюфурни де Вилье, инженер и архитектор, заменивший Лавуазье в управлении производством пороха. Однако они составляли меньшинство в плеяде ученых, которыми гордилась Франция, ибо от них, несмотря ни на что, требовали подрядного договора и свидетельства о цивилизме¹³³.

Французская промышленность, зависевшая от заграницы (сталь покупали в Швеции, Англии, Германии; медь - в Испании и Англии; селитру в Индии, а серу - в Италии), вынуждена была теперь опираться лишь на свои национальные ресурсы, и учет их был произведен немедленно. Бронзу для пушек доставляли церковные колокола. С 23 июля 1793 г. разрешалось иметь только один колокол на приход: все остальные отправлялись на переплавку. По методу Готье, окончательно разработанному в нивозе¹³⁴, стало возможным удаление излишка олова, который делал сплав ломким. Фуркруа ввел пользование этим методом в широкий обиход. Вандермонд и Бертолле составляли специальные инструкции, где популярно излагались методы производства стали - натуральной стали, цементированной или литой - с целью распространения способа отливки пушек целиком, который практиковался Монталамбером в Рюелле¹³⁵. Шаптал, Воклен представили в плювиозе директивы по добыче селитры, изготовлению поташа и соды.

К этой работе, не требовавшей специального знания, было привлечено все население. На ней испытывался цивилизм. Ей посвящались песни, в том числе «Марсельеза селитры», которая распространялась Комитетом по всей стране. Между муниципалитетами и народными обществами возникло плодотворное соперничество; депутаты в миссии не давали ему заглохнуть. Равным образом они помогали Комитету в создании военных заводов и в надзоре за ними.

Обработкой металла занимались, не считая прежних королевских мануфактур, многочисленные частные заведения, где преобладал ремесленный способ производства. В большинстве своем Комитет отрицательно относился к предприятиям, находившимся под непосредственным управлением государственных органов, к национализациям. Приёр и Карно упрекали управляющих в том, что они не соблюдают такую же экономию, как частные собственники. Тем не менее подобные предприятия создавались - в их числе Парижская мануфактура, наиважнейшая из всех, - но в то же время поощрялась, под суровым контролем, и частная инициатива: соглашались на подряды, подписывали договоры. Тарифы, установленные для каждой детали и для каждого вида услуг, облегчали

предпринимателям выбор, чтобы работать не в убыток себе, несмотря на то, что размер прибыли был сокращен¹³⁶. Поэтому число предприятий смогло быстро возрасти. Но этому росту ставил предел призыв квалифицированных рабочих на военную службу.

С введением всеобщего ополчения этот рост мог прекратиться. Согласно декрету от 18 сентября 1793 г., не подлежали призыву рабочие-металлурги; позднее еще один декрет освобождал их от службы в национальной гвардии. Комитет производил в войсках реквизицию рабочих. Он предложил секциям и муниципалитетам взять на учет «всех искусных граждан». Их обучали в Париже бельгийские рабочие и рабочие, ушедшие из Мобежа. Была организована ускоренная подготовка для молодых людей на «революционных курсах», причем набор учащихся производился сроком на месяц, по два человека от каждого дистрикта. Обучение было поручено, в числе прочих преподавателей, Гитону-Морво, Фуркруа и Гассенфрацу; оно укладывалось в 16 уроков и пользовалось большой популярностью.

Этим рабочим была установлена повышенная заработная плата как за поденный, так и за сдельный труд, но зато им вменяли в обязанность строжайшую дисциплину, требовали, чтобы у них не было ни минуты свободной. Они работали с шести часов утра до восьми вечера; праздничные простои прекратились. Их явка на работу контролировалась, нерадивых и ленивых наказывали, но больным и раненым помогали. Их концентрация, способствовавшая развитию классового сознания, придавала им смелость выдвигать требования. Зимой 1793 г. в парижских мастерских назревал бунт, и Барер 13 вантоза сообщил об этом Конвенту. Приёр не поколебался в жерминале арестовать вожakov. Правда, беспорядки не приняли политического характера. Рабочие только считали, что можно было бы в связи с победами сократить продолжительность их труда и ослабить дисциплину; 9 термидора они и не пошевельнулись. Благодаря своей твердой политике Комитету удалось добиться от них производительности, которую требовали нужды армии.

Париж сделался великим арсеналом Республики. В военном производстве там было занято 5 тыс. человек, распределенных по многочисленным мастерским, так как для изготовления ружей нужно было множество операций. Для стволов, делавшихся из тонкой железной полосы, которую свертывали и сваривали раскаленной, были устроены кузны вокруг садов Тюильри и Люксембурга. Оружейно-сверлильные мастерские размещались на судах, стоявших на приколе у берегов Сены. Отдельные детали выделывались ремесленниками на дому (например, часовщики изготавливали так ружейные замки.)

В столице находилась также масса ремонтных мастерских и завод по отливке бронзовых пушек в Шайо, принадлежавший братьям Перье. Но и провинция принимала широкое участие в этом производстве. Что касается ружей, то в придачу к заводам в Сент-Этьене и Тюлле было оборудовано около десятка новых, размещенных в пустующих церквях и монастырях. Штыки и сабли, необходимое количество которых не могла изготовить собственными силами Эльзасская мануфактура в Клингентале с ее 200 рабочих, выковывались в Бургундии, в департаменте Верхней Марны и в Оверни, особенно в Тьере. Инструкции, составленные Вандермондом, позволили рассредоточить мастерские; они были созданы в Арьеже и Нормандии.

Что касается бронзовых пушек для сухопутных армий, то к литейным заводам в Страсбурге и Дуэ прибавилось еще 12. Чугунные пушки, предназначавшиеся для флота, изготавливались в округах Аллевар и Крезе. Распространилось пользование отражательными печами; умножилось число железоделательных заводов вокруг залежей угля, который должен был возместить недостаток дров.

Производство оружия, хотя и не достигло цифры, установленной Комитетом, превзошло все ожидания. 240 тыс. ружей в год, 168 ремонтных мастерских вместо шести, 20 новых мануфактур холодного оружия, 7 тыс. бронзовых пушек. 30 литейных заводов вместо четырех (они поставляли теперь 1300 пушек вместо 900) - таковы были результаты этих гигантских усилий¹³⁷. Добавлением к этому служили контрабандные закупки через Швейцарию и нейтральные государства и реквизиции в завоеванных странах, особенно в Бельгии и Рейнских провинциях. Для снабжения армии боеприпасами требовалась селитра, входившая на три четверти в состав пороха, изготовление которого начиная с вантоза приняло широкие размеры; добыча ее превышала миллион фунтов в месяц - в 12 раз больше, чем до того времени. Воклен руководил работами в Турени, где в белом песчанике содержалось значительное количество селитры. Были спешно организованы 60 мастерских в Париже, 6 тыс. - в остальной Франции. За их деятельность наблюдали Шапель, Жакото, Декрозиль; специальный налог на богатых служил для покрытия первоначальных расходов, так как дистрикты платили фабрикантам 24 су за каждый поставленный фунт.

Ввиду того что начал ощущаться недостаток в поташе, необходимом для обработки земель, содержащих селитру, Комитет приказал производить усиленную рубку леса и сжигать густой кустарник, виноградные выжимки, конский каштан. Химики добились того, чтобы извлекалось достаточное количество соды из морской соли. В Брассе были обнаружены залежи серы, а для остальных ингредиентов использовались побочные продукты заводов серной кислоты. По примеру большого предприятия секции Единства, оборудованного Приёром в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, множество подобных заведений в провинциальных городах поставляли пороховым заводам очищенную селитру. Они получали также от дистриктов золу крушины. Метод, автором которого был Корню, позволял быстро получать и сушить смеси. К сожалению, завод в Гренеле, самый значительный, во главе которого стоял Шапталь, 14 фрюктидора (31 августа 1794г.) был разрушен взрывом вскоре после пожара, уничтожившего завод «Единства». Однако производство пороха продолжалось благодаря провинциальным предприятиям (например в Рипо, близ Тура).

В августе 1793 г. Комитет выразил желание иметь в дополнение к обычному оружию также и тайное. Опыты, начатые в Ла Фер, продолжались в Медоне, в бывшем королевском домене, куда доступ посторонним был запрещен. Высшее руководство им (обезличил Грийе) вместе с учеными из секции вооружения. В первую очередь он постарался увеличить эффективность взрывчатых веществ, распорядился заняться изучением зажигательных ядер и возобновить опыты над порохом с хюратом люташа, предпринятые Лавуазье в 1788 г. Медонской лаборатории обязаны открытием нового вида запала («grain de lumière») у пушечных и изобретением гранат с металлическими поясами, благодаря которым увеличивалась их дальность.

Там также продолжались опыты по аэростатике, принесшие славу братьям Монгольфье еще в 1783 г. Комитет понимал военное значение воздушных шаров как для рекогносцировки позиций противника, так и для сбрасывания на них метательных снарядов. Генерал Мёнье предложил даже воздушный шар, способный поднять над морем 30 человек. По настояниям Гитона-Морво решили наполнить шар водородом. Комиссара Кутеля, тайно отправленного в Северную армию, генералы приняли холодно. Испытание, произведенное только в жерминале, завершилось успешно, и была создана рота аэронавтов. Новый воздушный шар «Предприимчивый» смог, таким образом, летать над полем битвы при Флёрюсе и сеять смятение в войсках коалиции¹³⁹.

Что касается оптического телеграфа, то не столько Приёр, сколько Лаканаль заставил довести до конца изобретение Шаппа, которому было разрешено 24 сентября 1793 г. установить свою машину на башнях и колокольнях. На первой линии связи между Парижем и северной границей было расставлено 16 вышек. Передачи, начавшиеся в конце термидора, позволили 28-го числа оповестить о взятии обратно Кенуа, а затем они принимались уже в Ландау и Бресте.

Научно-исследовательские работы, не ограничивавшиеся одними вооружениями, однако все диктовались потребностями войны, - шло ли дело о шариковых обоймах, назначение которых состояло в том, чтобы уменьшить трение в ступицах, о способе быстрого дубления кожи, изобретенном Сегеном, об изготовлении гудрона или переработке старой бумаги. Даже если результаты этих исследований не сказывались немедленно, все же Комитету принадлежала заслуга устранения начальных препятствий. Он не только использовал открытия века Просвещения, но интересовывал ученых и все тыловое население вопросами национальной обороны. Эти совместные усилия обеспечили успех наступления весной 1794 г. Следовательно, к имени Карно нужно присоединить имена Прнёра и Ленде, которые, каждый в своей области, содействовали снабжению бойцов.

6. РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Конвент и Комитет общественного спасения, хотя и были сторонниками либерализма, вынуждены были регулировать хозяйство, что было необходимо для армии. В отношении снабжения продовольствием гражданского населения Комитет заботил лишь вопрос, как обеспечить горожан хлебом и избежать волнений¹⁴⁰. Таким образом, проблема продовольствия приобретала политический характер. С другой стороны, срочность нужд и их объем требовали эффективного контроля над распределением продовольствия. Вместо того, чтобы вводить новшества, «планировать», прибегали к традиционным приемам: реквизициям, таксациям, репрессиям. Роберу Ленде удалось провести эти «временные» мероприятия. Во II году он был «великим интендантом Франции»¹⁴¹.

«Какое же поприще открывалось передо мной, - писал он, - когда я вернулся в Париж 15 брюмера? (5 ноября 1793 г.). Продовольствия было мало. Добыть его было трудно»¹⁴². Рост цен, - следствие падения курса ассигнатов, номинальная стоимость которых снизилась в апреле 1792 г. на одну треть, а в июне 1794 г. больше чем наполовину¹⁴³, - урезывал покупательную способность

рабочих, в то время как в результате первого «максимума», установленного 4 мая, рынки опустошались¹⁴⁴. Хлеб всюду припрятывался. Голодные толпы задерживали транспорты с зерном. Цена фунта хлеба поднялась до 11 су в Крезе и до 18 - в Лиможе.

Таксация, - надежда санкюотов, - была навязана Комитету, который предпочел бы уменьшить инфляцию, сжигая излишек асигнатов. На деле «всеобщий максимум», вотированный в принципе 29 сентября, не дал, несмотря на террор, ожидаемых результатов. После его провозглашения парижские хозяйки, делая запасы продовольствия, опустошали лавки. Фабриканты, коммерсанты фальсифицировали выпускаемую ими продукцию, чтобы возместить потери в прибылях. С наступлением зимы страх перед голодом еще более возрос, и полицейские меры борьбы с этим страхом оказывались недостаточными. В провинции крестьянину не удавалось уже обменивать продукты питания на одежду, в которой он нуждался. «Назревает скрытое возмущение, среди граждан воцаряется нужда, их охватывает ненависть», - утверждал Альбитт 26 октября¹⁴⁵.

Повсюду депутаты в миссии признавались в своем бессилии перед «опасной аристократией земледельцев». В департаментах Йонны и Верхней Марны образовывались скопища народа, женщины осыпали ругательствами комиссаров по продовольствию. Скупщиков и спекулянтов преследовали. Во многих местах строптивых фермеров сажали в тюрьму. Но число «эгоистов» было настолько велико, что карать всех не представлялось возможным¹⁴⁶.

Комитет был, таким образом, вынужден «присвоить себе абсолютную и невиданную доселе власть над экономикой страны»¹⁴⁷. Ленде получил в свое ведение настоящее министерство снабжения - Продовольственную комиссию. Основанная 22 октября 1793 г. и доверенная трем испытанным администраторам: Рессону из парижского департамента, Брюне из Эро и Гужону, прокурору-синдику Сены и Уазы, она обосновалась на улице де ла Врильер, в особняке эмигранта Тулуза. Ее многочисленный персонал обслуживал три отдела: учета продовольственных запасов, под руководством Прони; распределения, во главе с Моро, и счетоводства - с Луве (племянником). Ей придали бюро кадастра, консультативный совет, в который входил Вильморен, основатель нынешней фирмы, торгующей семенами; затем торговое агентство¹⁴⁸. Впервые продукция и потребности учитывались: впервые правительство могло располагать всеми ресурсами страны. 25 брюмера был даже отменен крестьянский семейный запас. Как этого и желал Робеспьер, «необходимые для жизни продукты питания... делались собственностью всего общества в целом»¹⁴⁹.

Депутаты в миссии и народные общества помогали Ленде в его задаче, но старания его агентов иногда шли в разрез с их деятельностью, мешали работе дикстриктов и муниципалитетов, также пользовавшихся правом реквизиции. Чтобы избежать смешения функций, 7 нивоза разграничили зоны снабжения каждой армии; затем, 27 жерминаля, Комитет общественного спасения взял в свои руки контроль над всеми реквизициями. Ленде тогда объединил под своей властью две исполнительные комиссии: торговли и снабжения, которая занималась также продовольствием и обмундированием войск, и транспорта, включая почту и перевозку пассажиров и грузов. Он возглавлял в Комитете бюро, насчитывавшее в прериале 39 человек. Карно извещал его о передвижениях войск. Ленде требовал предъявления ему каждый вечер отчета об операциях за день и в любой час решал срочные дела¹⁵⁰. Вслед за тем из складов, где хранили муку и мясо, отправлялись целые обозы. Подобный образ действий был неотъемлемым атрибутом революционного правительства и навязанного им экономического террора.

Раффе писал о солдатах III г., что они «одеты как нищие». Это соответствовало истине в октябре 1792 г. для половины из них, а зимой 1793 г. положение сделалось трагическим. Крайние меры, жертвоприношения со стороны гражданского населения, как бы многочисленны они ни были, не могли разрешить вопрос. Были привлечены к работе в принудительном порядке сапожники и кустари-текстильщики, заказы сдавались посредникам - часто организовывавшим ассоциации - как, например, аббату д'Эспаньяку и Уврару. Комиссия по рынкам проверяла сдаваемую ими продукцию, разоблачала «нечестных» поставщиков и злоупотребления. Их было множество. От складского сторожа до комиссара военного министерства служащие нарушали свой долг, как это было при старом порядке. Уже 20 июля были арестованы администраторы отдела обмундирования, а депутат от департамента Об - Перрен был приговорен к 12 годам каторжной тюрьмы. Были скомпрометированы даже несколько депутатов в миссии, например Кюссе и Шаль. Вскоре кары стали более суровыми, правонарушители предавались Революционному трибуналу, и 19 фримера он приговорил к смерти Дессаля и Буше¹⁵¹. Шуазо, который вместе с Ланшером заключал крупные сделки на покупку лошадей, покончил с собой, чтобы избежать гильотины.

Затем Карно предложил, чтобы каждый дистрикт обмундировал и снарядил по одному батальону пехоты и одному эскадрону кавалерии. 19 плювиоза Ленде организовал это мероприятие, и специальные комиссары отправились для контроля на местах. В прериале он обеспечил также пополнение кавалерии, собрав 54 тыс. лошадей и мулов. Камбон смог тогда объявить о значительном сокращении расходов на содержание армии. По собственному его признанию и по признанию Приёра, цель была достигнута: «машину смонтировали, и она работала превосходно»¹⁵².

Главной основой все еще были дистрикты. Каждый из них должен был под ответственностью своего национального агента поставить определенное количество продовольствия. Обильный урожай хлебов в 1793 г. сопровождался значительным недородом второстепенных зерновых, игравших, как известно, важную роль в питании населения¹⁵³. В августе были созданы «закрома изобилия», пополнявшиеся зерном, поступавшим взамен налогов и платы за аренду национальных имуществ. Туда добавляли зерно, полученное по реквизициям, совершавшимся нерегулярно. Наконец, старались увеличить посевные площади. В долинах Луары и Шеры объявили войну виноградникам, в департаменте Орны - пастбищам, в районе Дьеппа - рапсу. Пустоши, парки обрабатывались. Грегуар составлял инструкции об озимом севе, о культуре картофеля, которому хотели дать большее распространение. Семена раздавались бесплатно, равно как и газета: «Le Journal du cultivateur». Однако укоренившиеся предрассудки и недостаток рабочих рук препятствовали чувствительному росту продукции, сократившейся также - в отношении мяса¹⁵⁴ и молочных продуктов - из-за восстания в Вандее.

Все же огромные потребности армии удовлетворялись. Для этих первоочередных поставок практика «максимума» не встречала больших затруднений. К реквизициям и таксации относились одинаково. Неотложные требования национальной войны оправдывали в глазах производителей эти жертвы. Не так обстояло дело с продовольственным снабжением гражданского населения.

Недостаточность транспортных средств еще более усложняла снабжение городов и обездоленных районов. Расширение «максимума» вызвало недовольство лавочников, которых считали, как и крестьян, врагами революции, «пиявками народа». Новые тарифы, предложенные Барером Конвенту 3 вантоза, основывались на тарифах 1790 г. с надбавкой на одну треть. Оптовикам гарантировалось 5% прибыли, а розничным торговцам 10%¹⁵⁵. С большой тщательностью подготавливалась внушительная таблица цен, составление которой закончилось только в конце лета 1794 г. и которая для значительного числа предметов не применялась.

Что касается заработной платы, повышенной в сравнении с 1790 г. в полтора раза, то она была выгодна рабочему, поскольку спрос на рабочие руки превышал предложение и поскольку максимум менялся самым поразительным образом от одной коммуны к другой. «Свободные» труженики пользовались этим; сельскохозяйственные рабочие требовали, кроме питания, и надбавки к зарплате. Но плата рабочим государственных предприятий была заморожена на прежнем уровне, в то время как таксация проводилась только на хлеб, а на остальные продукты питания осуществить ее фактически не удавалось.

Что касается Комитета общественного спасения, то он предоставил муниципалитетам самим решать этот вопрос. Все они воодушевлялись одними и теми же принципами, но единообразную регламентацию выработать не смогли. Зерна и муки, получаемых по реквизициям, часто оплачивавшихся с помощью принудительных займов у богатых, не всегда хватало, приходилось брать из военных складов и ограничивать потребление. Официально кондитерские изделия были запрещены, и установление одинакового помола породило «хлеб равенства». Хлебные карточки появились впервые в августе 1793 г. в Париже. Ими пользовались также в провинциальных городах, например в Руане. Бордо. Бовэ и Дижоне¹⁵⁶. Контроль над распределением осуществляли комиссары: но так как мельники ускользали от этого надзора, то мошенничество и фальсификация умножились. В промежутке между двумя урожаями, в прериале II года, пришлось прибегнуть к примесям. В зависимости от районов, к пшеничной муке добавляли кукурузу, рожь, ячмень, овес или картофельную муку, и «хлеб равенства» стал более или менее черным и неудобоваримым. Однако в общем суточные пайки, от одного до двух фунтов на человека, оставались неизменными, и благодаря премиям, которые выдавались булочникам, цены держались на уровне 3 су за фунт¹⁵⁷.

Зато нехватка мяса была вполне реальной, и множество парижан вынуждены были соблюдать «гражданский пост», за который Вернио ратовал еще в апреле 1793 г. Мясники и колбасники отказывались продавать по таксе то, что они покупали по вольной цене. Мясо оставляли для больных и платили очень дорого за низший сорт. Военные склады, снабжать которые было поручено депутату Изоре, выделяли начиная с жерминаля сотню быков в день для столицы. Таким образом, каждый ее житель мог получать два раза в декаду полфунта мяса по умеренной цене.

Сахар был также нормирован, равно как и растительное масло, мыло, соль и молочные продукты, но цены на эти продукты превышали намеченную таксу. В течение всей зимы к картофелю и овощам нельзя было подступиться: одна морковка стоила 4 су, кочан капусты - 12-15 су, фунт соленого масла - 28 су, Дрова и уголь, несмотря на громадные цены, запрашиваемые торговцами, брались с боя. Бедняки вынуждены были довольствоваться сухим хлебом, в то время как подпольная торговля процветала. Этот «черный рынок» принял вскоре такие размеры, что суровые меры против перекупщиков казались вполне оправданными¹⁵⁸. Спекуляция на нужде сделалась новым средством к существованию. Чтобы получить сахар, нужно было одновременно купить кофе. Мыло исчезало, чтобы вновь появиться «по эю за фунт»; цена свечей возросла в той же пропорции. Намечалась организация потребительских кооперативов¹⁵⁹, впрочем без успеха.

Комитет почувствовал, что необходимо срочно восстановить нормальный товарообмен, успокоить торговцев, не принося в жертву потребителей. «Интриганы хотели, чтобы не было ни купли, ни продажи и чтобы, таким образом, в Республике воцарился голод», - говорил Робеспьер¹⁶⁰. 23 вантоза был разрешен экспорт товаров, не являвшихся предметом первой необходимости. «Максимум» смягчили, учитывая цены сырья. Зоны реквизиций стали более гибкими, и репрессии менее суровыми¹⁶¹. Мало-помалу вернулось доверие, внешняя торговля оживилась. Несмотря на все еще горячую оппозицию, в особенности Бурдона (из Уазы), Ленде привлек негодичантов к участию в правительственных проектах. Он заручился даже поддержкой банкиров и обязал держателей капиталов за границей включать их в декларацию об имуществе. В приморских портах организовывались агентства, подчиненные комиссиям торговли. В Бордо был создан комитет нейтральных государств, а в Марселе африканское агентство заменило прежнюю компанию под тем же названием.

«Зарождающейся Республике не подобает находиться в изоляции», - заявил Барер в вантозе. Была выработана программа торговли с нейтральными государствами. Были приглашены на работу посредники в Генуе, в Швейцарии, в Копенгагене. Одному агентству в Бур-Либр, близ Гюнингена, поручили закупки в Германии. В обмен на зерно, мясо, соленую рыбу, колониальные товары предлагались вина, шелка, ценная мебель, тонкий фарфор, драгоценные камни, изъятые у эмигрантов или в церквях и монастырях. Эта торговля была, безусловно, значительной, хотя установить ее подлинный объем не удалось. Но она вынудила комиссию торговли заниматься бесконечным бумагомаранием, вызвала недовольство негодичантов, которым платили по ставкам «максимума» и ассгнатами, в то время как их поставщики получали по настоящей цене и звонкой монетой. Расширению торговли препятствовал также недостаток судов и экипажа, и на море она ограничивалась Северной Европой и Соединенными Штатами¹⁶².

Действительно, во всех областях усилия Комитета наталкивались на проблему транспорта. Сухопутных путей существовало меньше, чем теперь, особенно в горах, и связь поэтому была ненадежной и медленной. Содержание дорог в исправности, порученное комиссии транспорта, превратилось в своего рода дорожную повинность, которую отбывали все трудоспособные мужчины, в особенности на юго-западе страны. Эта комиссия, обосновавшаяся 4 жерминаля на улице Монтолон в доме Дюплесси, распределила работу своих бюро по 11 отделам (соответственно 11 армиям).

Реквизиции повозок, начавшиеся вместе с войной, продолжались столько же времени, сколько длилась война. Для обозов требовались бесконечные вереницы повозок, ломовые лошади потребляли огромное количество фуража и овса. Одновременно с реквизицией телег мобилизовывали и возчиков на все время поездки туда и обратно; в нивозе поездки были ограничены расстоянием в 10 лье от их жилищ. Прибегали также к заявкам на подряды, заключали полюбовные соглашения с частными лицами¹⁶³. Во время весеннего наступления Комиссия наняла на три месяца 4 тыс. повозок и приказала построить 12 тыс. кузовов для перевозки в Мобеж боеприпасов и муки, необходимых Северной армии. Даже после Флерюса принадлежавшие парижанам упряжки использовались, чтобы пополнять запасы армии и позволить ей продолжать свое победоносное наступление в Бельгии.

К обслуживанию армии, которое главной своей тяжестью ложилось на крестьян пограничных областей, присоединилась внутри страны еще гужевая повинность, снабжение заводов и мастерских. Для речного транспорта мобилизовали судовщиков. Строились каналы, в том числе канал, соединяющий Ранс с Виленой. «Без террора, который заставлял усиленно работать даже самых равнодушных, Комитет общественного спасения не смог бы одновременно обуздать спекуляцию и подавить пассивное сопротивление»¹⁶⁴. Даже вынужденная, эта несомненная солидарность помогала поддерживать дух войск. По словам Мишле, они чувствовали, что за ними стоит «этот изумительный тыл целой нации, поднявшейся на их поддержку».

Можно было также подумать, что мобилизация экономики служила подготовкой к установлению социальной демократии. Но Комитет видел в ней лишь временную меру, диктуемую войной. Он знал, что его политика не может удовлетворить санкюлотов¹⁶⁵. Чтобы привязать их к революции, он предложил им принять участие «в разделе брошенного имущества». Личная собственность - неизлечимое зло, по мнению Робеспьера, - не подлежит уничтожению, но должна быть распределена более справедливо. Ограничить состояния, умножить число мелких собственников и ремесленников - вот в чем заключался якобинский идеал. Рафрон возвестил о нем в Конвенте 3 плювиоза, и Пультье поддерживал его 13-го. «Ваши законы о браке и наследстве, те, которые вы создадите о холостяках и прогрессивном налоге, усовершенствование республиканского воспитания, прогресс общественного мнения и улучшение нравов, презрение, с которым будут относиться к богатствам, уважение, которым будут пользоваться самые обыденные профессии и добродетельная бедность, уничтожат без всяких потрясений унизительную разницу между людьми»¹⁶⁶.

Под этим углом зрения надо рассматривать продажу национальных имуществ мелкими участками, декретированную 2 фримера (22 ноября 1793 г.), введение бесплатного, светского и обязательного обучения в начальных школах (29 фримера), прогрессивное распределение принудительного займа¹⁶⁷, установление равных прав для всех наследников, даже для незаконных детей, вотированное 17 нивоза, затем доклад Сен-Жюста 8 и 13 вантоза, требовавший секвестра имущества подозрительных «для наделения им всех обездоленных»¹⁶⁸. Было создано бюро, куда поступали составляемые коммунами списки «неимущих». Наконец, закон от 22 флореаля (11 мая 1794 г.), внесенный Барером, заложил основы современного социального обеспечения, установив бесплатную медицинскую помощь и пенсии по старости. Кроме того, депутаты в миссии, преступая иногда границы закона, раздавали то пособия, то вещи, принадлежащие контрреволюционерам. «Вы видите, что богатых раздели для того, чтобы прикрыть и одеть бедняков», - говорил Робеспьер в клубе якобинцев 1 фримера¹⁶⁹.

Право на жизнь и право на труд - эти основные социальные требования - были частично удовлетворены. Война уничтожила безработицу; «максимум», несмотря на свои недостатки, замедлил инфляцию. Реквизиции, которые он повлек за собой, представляли собой покушение на собственность, хотя в принципе не угрожали ей. Но когда самый этот принцип оказался затронутым, социальные консерваторы в Комитете, и среди них Ленде, испугались эа не первая страница: «послужил разлучением от себя»⁷⁰.

7. БЕЗОПАСНОСТЬ И ВНУТРИПАРТИЙНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Порожденный в равной мере голодом и войной, террор мог исчезнуть только с наступлением мира и изобилия. Правительство комитеты и большинство членов Конвента твердо решили поддерживать его. Комитет общественной безопасности, осуществлявший террор, хотел даже его усилить, но не собирался разделять с кем-либо свою власть. На него были возложены функции полиции. Он обладал «особыми правами на ведение следствий, на аресты, на все то, что касается тюрем и революционного правосудия». Закон от 17 сентября 1793 г. предоставил ему обширное поле деятельности, и он пользовался в этой области неограниченной властью до жерминаля II года.

Когда требовались важные решения, он совещался с Комитетом общественного спасения. Их совместные заседания происходили часто, и под множеством постановлений стоит их общая подпись. Это согласие между ними укрепляло их положение; разногласия неизбежно вели к их ослаблению. Централизация, к которой стремился «Великий» Комитет, не могла быть завершена без подчинения ему Комитета общественной безопасности. Так как всякая грубая попытка добиться этого подчинения была обречена на неудачу, прибегли к постепенному ограничению прав Комитета безопасности. Закон от 27 жерминаля (16 апреля 1794 г.), принятый на основании доклада Сен-Жюста, был первым таким покушением. Этот закон поручал только одному Комитету общественного спасения «надзор за органами власти» (статья 5). Он должен был требовать от них «строжайшего отчета» и в случае надобности преследовать их по суду (статья 19)¹⁷¹. Для применения этих мер было сформировано генеральное бюро полиции. Сен-Жюст организовал его в начале флореаля и распорядился передать туда все дела Комитета общественной безопасности, относящиеся к государственным служащим, «этим двадцати тысячам дураков, которые ведут борьбу против Республики, разлагают и обескровливают ее»¹⁷². Бюро насчитывало 30 сотрудников под руководством Лежена, уроженца Суассона, образованного человека, инвалида войны: Симона Дюпле, на деревянной ноге, племянника известного столяра; Птито, Девьена и Себийота. Персонал обязан был строго соблюдать присутственные часы (с 8 ч. 30 м. до 15 ч. 30 м.); часть его снова приходила вечером и оставалась в распоряжении Комитета.

Четыре секции бюро распределяли между собой переписку с департаментами и ежедневно представляли доклады по ней.

Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон делали пометки на документах бюро и по большей части сами составляли постановления, имевшие также подписи Карно и Приера. Следовательно, Комитет не был в неведении относительно них. По признанию Бийо-Варенна, Комитет посвящал иногда «целые заседания деталям работы» этого бюро. Если какое-либо письмо касалось определенной секции, оно ей передавалось, а Ленде получал те, которые имели «отношение к продовольственному вопросу. Бюро, существовавшее на тех же основаниях, что и другие отделы, было неразрывно связано с Комитетом, и его независимость являлась мнимой, равно как и его подчиненность Робеспьеру. Однако оно быстро организовало своего рода тайную полицию, находившуюся в распоряжении правительства.

Для надзора за общественным мнением министр внутренних дел имел наблюдателей, которыми по закону от 25 вантоза руководил Комитет. Бюро продолжало эту традицию, и в его книге записей упоминается о восьми из этих наблюдателей, в том числе о Ламбере, Руссевиле, Демайе, Гарнерене и молодом Марке-Антуане Жюльене. Они докладывали о происшествиях, доносили на отдельных лиц, но не производили арестов¹⁷³.

Выполнение своих решений Комитет поручал комиссии гражданской администрации. Знаменательный факт: Робеспьер как будто игнорировал Комитет общественной безопасности, который в свою очередь «забывал» уведомлять своего коллегу о делах, относившихся к должностным лицам. Это соперничество было вполне реальным. Оба Комитета выдавали ордера на аресты. Один комитет мог по закону посадить в тюрьму подозрительного, которого другой комитет так же законно освобождал. Неблаговидные действия их подчиненных не могли не усугублять конфликта; впрочем, после термидора его сильно преувеличивали. Исследования А. Ординга доказывают, что функции бюро оставались ограниченными. До 7 термидора, даты его последнего заседания, им было рассмотрено 3777 дел; 250 из них закончились приговором о тюремном заключении, а 58 - освобождением. За то время, что бюро вынесло 464 постановления, Комитет общественной безопасности подписал их 1814, т. е. в четыре раза больше¹⁷⁴.

Так же обстояло дело с революционным правосудием, осуществление которого народными комиссиями, созданными согласно декрету от 27 жерминаля, возбуждало подозрение у Комитета общественной безопасности. Обязанные рассматривать дела заключенных, производить отбор подозрительных и составлять список тех, кто, будучи признан виновным, подлежал суду революционного трибунала, они должны были представлять свои заключения обоим Комитетам. В Париже эти комиссии были организованы 24 флореаля (15 мая) согласно постановлению за подписью Бийо-Варенна. Председателем первой из них был Треншар, родом из Оверни, впоследствии участник бабувистского движения; вторая была создана на следующий день. По предложению Робеспьера их подчинили Комитету, перед которым они должны были ежедневно отчитываться¹⁷⁵. Доклады сосредоточивались в Бюро полиции, но работа затягивалась. Первые списки были утверждены в начале термидора, и Сен-Жюст согласился на то, чтобы Комитет общественной безопасности сохранил свою роль. Что же касается остальных намечавшихся комиссий, то они так и не увидели свет.

Тем же декретом от 27 жерминаля было постановлено, что дела о политических репрессиях должны сосредоточиваться в Париже. В провинции депутаты в миссии обладали, наравне с правительственными комитетами, властью арестовывать. Но в то время, как одни из них предпочитали «силе мягкие уговоры», другие в приступе усердия или страха поощряли кровавые репрессии¹⁷⁶. Военные комиссии, чрезвычайные трибуналы, созданные по местной инициативе близ границ и районов, охваченных восстанием, чинили скорую расправу (например, в Аррасе, Нанте и Лионе). 19 флореаля (8 мая 1794 г.) Комитету общественного спасения было поручено упразднить эти трибуналы, и лишь немногие из них (в частности, в Аррасе) сохранились до конца мессидора. Комитет не одобрял этих безрассудных репрессий и отказывался дать согласие на то, чтобы Баррас и Фрерон переименовали Марсель. Нельзя допускать, чтобы «чрезмерное рвение становилось опасным для общественного дела». Каррье, Тальен, Баррас и Фрерон были отозваны, так как «они позорили революцию»¹⁷⁷.

В деятельности революционных комитетов наблюдались подобные же эксцессы. Уполномоченные «охотиться за подозрительными», они переписывались непосредственно с Комитетом общественной безопасности в Париже и таким образом избегали контроля коммуны. В провинции депутаты в миссии заявляли о своем бессилии заставить их действовать единообразно. Они желали сокращения числа революционных комитетов, выражая в то же время опасение, что это может ослабить революционное правительство¹⁷⁸. Комитет общественного спасения предпринял

сперва чистку парижских революционных комитетов, а затем добился, чтобы они пересылали в бюро полиции списки заключенных с мотивировкой ареста. Был создан новый отдел, где сосредоточивались эти документы. В прериале он насчитывал 31 служащего во главе с Лезюром - цифра, свидетельствующая о том, с каким интересом Комитет относился к этому отделу. Наконец, 21 мессидора (9 июля) постановлением за подписями Карно и Сен-Жюста революционные комитеты были подчинены комиссии гражданских администраций.

Разумеется, Комитет хотел также распространить свой контроль и на революционный трибунал. 24 флореаля (13 мая) он потребовал от общественного обвинителя, чтобы тот каждую декаду передавал ему списки подлежащих слушанию судебных дел. Все же представляется маловероятным, будто - как это утверждалось после термидора - Дюма, председатель трибунала, и Фукье-Тенвиль находились в распоряжении бюро полиции. Без сомнения, Робеспьер продолжал уделять внимание подбору присяжных. Его домохозяин - Морис Дюпле - и его друг - печатник Никола - были в их числе. Его взгляды проводил также Эрман, аррасский адвокат, как и сам Робеспьер. Наконец, закон от 22 прериаля уполномочил Комитет общественного спасения привлекать «врагов народа» непосредственно к суду трибунала.

Этот «пресловутый» закон оставлял обвиняемых без защитников и на деле сводил всю процедуру к установлению личности. Оглашенный Кутоном, без предварительной официальной консультации с Комитетом общественной безопасности, он, однако, был подготовлен не без его ведома, и Вадье, в числе других, не отвергал этого закона. Впрочем, он принял форму, одобренную 21 флореаля 10 мая) для комиссии в Оранже¹⁷⁹. Когда в термидоре пытались взвалить всю ответственность за этот закон только на робеспьеристов, Лекуантр подчеркнул, что многие депутаты были поставлены в известность о нем и члены революционного трибунала указывали на его недостатки накануне обсуждения, на котором присутствовали «почти все члены обоих комитетов»¹⁸⁰.

Безусловно, можно согласиться с Жоржем Лефевром, усматривающим причины издания этого закона в царившей тогда атмосфере угроз и заговоров. В начале прериаля Робеспьер и Колло чудом избежали смерти, когда Адмираль пытался их застрелить. Лекуантр предлагал заколоть Робеспьера кинжалом на заседании Конвента. В провинции депутат в миссии Бо едва не был зверски убит близ Орильяка. «Убийства стоят в порядке дня», - утверждали в Якобинском клубе. Общественное мнение высказывалось за организацию охраны Комитета общественного спасения, Питта обвиняли в подкупе убийц. В Конвент поступало множество адресов с требованием мщения: «Безжалостно истребляйте всех злодеев... Будьте непреклонны, никакой пощады». Конвент, кажется, полностью соглашался с этим. 6 прериаля он вызвал в Париж Сен-Жюста, хотя присутствие его в Северной армии было необходимым. Значит, он считал, что существование правительства находится под угрозой.

Но как бы там ни было, современников больше пугал рост числа подозрительных, чем скорость нового судопроизводства. Действительно, по этому закону к разряду «врагов народа» относились «кровопийцы», все те, кто дезориентировал общественное мнение и развращал нравы, и он грозил им смертью. До какой же степени чувствовали себя отныне под угрозой те, кому до сих пор удавалось избежать преследований. Сами члены Конвента разделяли это беспокойство; их парламентский иммунитет казался иллюзорным. Они подозревали Комитет общественного спасения в намерении обходиться без верховного контроля Конвента.

Комитет общественной безопасности также восстал против нового ограничения его прав. Заседания во Дворце Равенства сопровождались бурными прениями по этому поводу. Кутон вынужден был внести поправки в черновик декрета, 11-я и 18-я статьи которого вновь подтверждали одинаковую компетенцию обоих комитетов в вопросе о предании обвиняемых суду революционного трибунала.

Таким образом, оба несли ответственность за усиление террора. Он сосредоточивался в Париже и еще более усилился, когда возникла угроза массового бегства заключенных, число которых превышало семь тысяч¹⁸¹. В середине прериаля стало известно о наличии таких планов в Бисетре и Люксембурге. Постановлением от 17 мессидора (5 июля) за подписями Сен-Жюста, Бийо и Колло Эрману поручалось представлять ежедневно общественному обвинителю доклад о поведении заключенных. Массовые казни (*les fournees*) получили одобрение комитетов. Кармский процесс был возбужден на основании постановления, подписанного Сен-Жюстом, Бийо, Кутоном, Колло и Карно.

Это усиление террора, жертвой которого в Париже пало 1285 человек, в то время как оправдано было только 278 обвиняемых, несомненно произвело большое впечатление¹⁸². По просьбе парижан гильотина была перенесена с площади Бастилии к заставе Трона. Сен-Жюст так резюмировал эту психологическую реакцию: «Революция оцепенела, все принципы ослабли, остались только красные колпаки, увлекаемые интригой. Наступило пресыщение террором, подобно тому, как слишком крепкие

напитки притупляют вкус»¹⁸³. Внутри самого правительства люди, обремененные ответственностью, изнемогавшие от усталости, с напряженными до предела нервами, утрачивали самообладание. Комитет общественного спасения уже начал распадаться.

Его члены упрекали друг друга, в то время как победоносная армия отбрасывала противника от границ. Специалисты, ревниво оберегавшие свою работу от чего-либо вмешательства уже не терпели критики. Ленде много раз грозил обратиться к Конвенту с просьбой сломить сопротивление своих коллег. Флерюс обострил враждебность Сен-Жюста и Карно, который в свою очередь отказывался принять разработанный Бонапартом план итальянского похода¹⁸⁴.

В оппозицию к Робеспьеру, Сен-Жюсту и Кутону, этому «триумvirату», Карно вовлек вскоре Приёра и Ленде, отозванных в Париж депутатов из миссии, опасавшихся за свою жизнь, бывших сторонников Дантона. Помирившись с Бурдоном (из Уазы), он мог рассчитывать на Комитет общественной безопасности, где робеспьеристами были только Леба и Давид. Что касается Камбона, намеревавшегося сохранить независимость Комитета финансов и казначейства, где множеству сотрудников не удалось получить свидетельства о цивизме, то он также готовился к борьбе. Повод к ней дал Вадье, возбудивший дело Катерины Тео. Робеспьер добился отсрочки процесса, а затем, после бурной сцены, перестал посещать Комитет. Его отсутствие укрепило позиции его противников. «Он дал нам время договориться о том, как свалить его», - заявил Бийо-Варенн¹⁸⁵. И действительно, все попреки и весь гнев сосредоточивались на нем одном; на него возлагали вину даже за усугубление террора.

Барер, самовольно выступивший в роли примирителя, добился приглашения Робеспьера на совместное заседание обоих комитетов 5 термидора. Полагали, что его смогут задобрить, создав четыре новых народных комиссии. Были организованы разъездные секции революционного трибунала для суда - без прав апелляции - над подозрительными в департаментах. Но вместо того чтобы покориться, Робеспьер выступил с обвинениями. В результате возросла пропасть между двумя группами, одной из которых отныне предстояло исчезнуть; так как Робеспьер считал необходимым разрешение споров Конвентом, он перенес туда прения¹⁸⁶. Он был уверен, что большинство ему обеспечено, и ошибался. Конвент, число членов которого уменьшилось из-за миссий и где господствовало «болото», хотел покончить с регулированием экономики. Он тяготился слишком сильным влиянием основанного и поддерживавшегося им же самим правительства. Его беспокоили слухи о диктатуре; он был охвачен страхом. 8 термидора он рукоплескал речи Робеспьера и постановил напечатать ее; дело, которое он защищал, оставалось еще делом всего Конвента. Робеспьер настаивал на обновлении комитетов, чистке их бюро; от него ожидали другого. На требование Паниса сообщить имена мошенников, которых он разоблачал, он ответил отказом, «так что над депутатами нависла тяжелая угроза». Этим он себя погубил.

В самом Комитете его противники ночью окончательно выработали свою тактику, продумав меры, к которым они прибегли на следующий день. Карно принимал активное участие в решениях, парализовавших сопротивление Коммуны. Это он составил воззвание к армиям. Когда Робеспьер и его друзья просили 9 термидора (27 июля) Конвент выслушать их, то заранее подготовленный маневр, чтобы не дать им высказаться, удался. Могли ли они еще надеяться на поддержку секций?¹⁸⁷

Два командира легионов из шести ответили на призыв Анрио, которого Конвент поспешил сместить. Вооруженных групп, собравшихся перед ратушей, было достаточно для ее охраны, но деятели секций, недовольные комитеты заняли выжидательную позицию. Арест Легре (2 термидора) и популярного в Париже Бушотта (4 термидора) вызвал их недовольство. «Максимум», направленный первоначально против богатых, задевал также ремесленников, и еще более рабочих. Новый тариф заработной платы в Париже, опубликованный 5 термидора, разрешал произвольно снижать ее, иногда до 50%¹⁸⁸. Коммуне приносили присягу, но делали это скрепя сердце.

В то время как на Гревской площади верные Коммуне батальоны, будучи предоставлены самим себе, разбредались, вооруженные силы Конвента под командованием Барраса и Леонара Бурдона вторглись в захваченную ратушу, легко завладели инициативой и арестовали находившихся там лиц. В Париже начались массовые аресты членов муниципалитета и якобинцев. Только за три дня было гильотинировано 105 робеспьеристов. Эти гекатомбы означали конец диктатуры якобинцев и «Великого» Комитета. Общественное мнение, не отдававшее себе отчета в последствиях совершившегося, приветствовало обещанное ей ослабление административной власти.

Человек может - в течение очень короткого времени - идти на неслыханные жертвы, если они диктуются интересами нации. Но лишения и ограничения должны были вести к лучшему будущему, а между тем казалось, что «великий террор» отдалял его. Ответственность за это возложили сперва на робеспьеристов, против которых восстала «коалиция всех эгоизмов», а затем на весь Комитет общественного спасения. Его диктатура была диктатурой общественного мнения, на которую вначале согласились перед лицом опасности и которая была затем укреплена благодаря поддержке со стороны народных обществ. Она являлась также по существу диктатурой собрания, осуществлявшейся путем передоверия полномочий. Лица не принимались в расчет; имели значение только принципы, которыми они руководствовались. Как констатировал в 1828 г. один свидетель событий II года, в состав «Великого» Комитета «входили люди, решившие добиться победы любым путем, не останавливаясь перед кровопролитием, непреклонные в мщении, наделенные непоколебимой решимостью, но обладавшие в то же время, наряду с гением неограниченной власти, великим административным талантом». И тот же самый автор добавлял: «Если иногда встречаешь в не узнающей их более толпе кого-нибудь из этих стариков, на которых не отразились тревожения бурной жизни, которых пощадило время, которых не сломило изгнание, то в первую очередь в них поражает благородная, безропотно переносимая ими бедность. Лишь немногие из них разбогатели, и почти все они до сих пор еще жаждут победы того святого дела, которому посвятили жизнь»¹⁸⁹.

В 1828 г. единственными уцелевшими были Барер и Приёр (из Кот-д'Ор). За исключением Жанбона-Сент-Андре, ставшего префектом и бароном империи, остальные члены Комитета влачили жалкое существование, но переносили его с гордостью. В их переписке или в воспоминаниях проскальзывало только горькое сожаление, что их не понимают. Эти «рабочие Республики» подготовили «ужасную войну, чтобы добиться прочного мира», и их цель не была достигнута. Этот мир, который для одних ограничивался победой французских войск над европейской коалицией и свободным пользованием благами политической демократии, предполагал для робеспьеристов и создание социального равновесия. «Обездоленные, - говорил Сен-Жюст, - владыки земли, они имеют право говорить как власть имущие с правительствами, которые ими пренебрегают». Именно поэтому их память так чтилась социалистами XIX в. Именно поэтому клевета и признательность оспаривают друг у друга воспоминания о них.

¹ *M. Bouloiseau*. Le Comité de salut public. Paris. P.U.F. coll. «Que sais-je», N 1014.

² Бывший адвокат Парижского парламента, депутат от Парижа в Законодательном собрании, затем депутат от Уазы в Конвенте, был назначен членом Комитета общественного спасения 30 мая 1793 г. Арестованный 26 вантоза II г. (17 марта 1794 г.), приговорен к смерти вместе с дантонистами и казнен 16 жерминаля II г. (*E. Dard*. Herault de Sechelle. Paris, 1901).

³ В первом Комитете общественного спасения, образованном 7 апреля 1793 г., господствовал до июля 1793 г. Дантон. Этот Комитет был учрежден взамен Комитета национальной обороны, созданного Конвентом 1 января 1793 г.

⁴ *L. Gershoy*. Bertrand Barere, a reluctant terrorist. Princeton, 1962.

⁵ *A. Montier*. Robert Lindet. Paris, 1899.

⁶ *E. Levy-Schneider*. Jeanbon-Saint-Andre. Paris, 1901.

⁷ Депутат от Пюи-де-Дом в Законодательном собрании, затем в Конвенте; в ранней молодости у него отнялись ноги. Нет ни одного труда, специально посвященного его деятельности.

⁸ *P. Bliard*. Prieur de la Marne. Paris, 1906.

⁹ *R. Korngold*. Saint-Just. Paris 1937; *A. Ollivier*. Saint-Just ou la force des choses. Paris, 1954.

¹⁰ *J. Massin*. Robespierre. Paris, 1937; *M. Bouloiseau*. Robespierre, Paris, 1958; *M. Робеспьер*. Избранные сочинения, т. 1-3. Под ред. А. Манфреда. М., 1965.

¹¹ *M. Reinhard*. Le Grand Carnot, vol. 1-2, Paris, 1952.

¹² *G. Bouchard*. Un organisateur de la victoire: Prieur de la Cote-d'Or. Paris, 1946.

¹³ Бывший актер, он был членом Коммуны 10 августа в Париже и избран ею в Конвент. Был отправлен в миссию в Лион вместе с Фуше.

¹⁴ Депутат от Парижа в Конвенте; был, как и Колло, членом Коммуны 10 августа и считался одним из самых блестящих ораторов Якобинского клуба.

¹⁵ *G. Lefebere*. La Revolution francaise. Paris, 1957, p.150.

¹⁶ Доклад Робеспьера 17 плювиоза II г. («Archives parlementaires», t. LXXXIV, p. 330-337); см. также: *Robespierre*. Discours et rapports a la Convention. Publies sous la direction de M. Bouloiseau. Paris, 1965, p.216

- ¹⁷ Archives nationales. (A. N.), AF II, 23, pl. 180, p. 13. См. также: *M.Bouloiseau*. Le Comite de salut public. Paris, 1962, p.39.
- ¹⁸ Согласно платежной ведомости (A. N., AF II, 23, pl.182-183).
- ¹⁹ См. мою статью в «Cahiers» «Leopold Delisle», 1966.
- ²⁰ *J.Gros*. Le Comite de salut public de Convention nationale. Paris, 1893; *E.Levy-Schneider*. Op. cit., p.471.
- ²¹ В этом можно убедиться при просмотре «Recueil des Actes du Comite de salut public», publie par A.Aulard (28 vol.), к которому мы издаем дополнение в 5 томах: первый находится в печати.
- ²² Постановление от 23 сентября 1793 г. (*A.Aulard*. Op. cit., v.VII, p.15).
- ²³ *G.Bouchard*. Op. cit, p.433-457. См. также *A.Aulard*. Op. cit.. vol.V, p.459. (постановление № 2 от 3 августа 1793 г.).
- ²⁴ В частности, Робеспьер, по словам Приёра, «на собраниях Комитета проявлял большую покладистость, никогда не оспаривая какое-либо полезное предложение. Правда, его коллеги ввиду влияния, которое он оказывал на общественное мнение, очень считались с его советами в политических делах» (*G.Bouchard*. Op. cit.).
- ²⁵ В августе 1793 г. Робеспьер посетил заседания только 19 раз, а в сентябре - 21.
- ²⁶ Фактически число присутствующих редко было выше шести.
- ²⁷ «Carnot de Robespierre», publie par A.Mathiez. - «Annales revolutionnaires», 1918.
- ²⁸ *G.Bouchard*. Op. cit., p.448; *J.Godechot*. Les institutions de la France sous la Revolution et l'Empire. Paris, 1951, p.274.
- ²⁹ *M.Reinhard*. Op. cit, t.II, p.59; *G.Bouchard*. Op. cit.
- ³⁰ Reponse de Barere, Billaud-Varenne... aux accusations de Lecointre, broch in 8°, an. III.
- ³¹ *A.Ording*. Le bureau de police du Comite de salut public. Oslo, 1930 (Reponse au rapport de Saladin, citee, p.29.)
- ³² Речь 10 октября 1793 г. в Конвенте. - «Moniteur», t.XVIII, p.107.
- ³³ *P.Bornarel*. Cambon et la Revolution francaise, Paris, 1905, p.346.
- ³⁴ Refutation de l'Histoire de France, de l'abbe de Montgaillard, par Urnaelt de Leuze (Laurent de l'Ardcche), 1828, p. 355. - «Annales revolutionnaires», II, 96, а также *Beugnot*, Memoires, t.II, p.17.
- ³⁵ *G.Bouchard*. Op. cit.
- ³⁶ Речь в Конвенте 25 сентября 1793 г.
- ³⁷ Речь в Конвенте 5 нивоза II г.
- ³⁸ Взятие коалиционными войсками Конде (10 июля), Майнца (23 июля), Валансьена (28 июля).
- ³⁹ *A.Soboul*. Les sans-culotfes parisiens en l'an II. Paris, 1958, p.140.
- ⁴⁰ На другой день Бийо, Колло, Гроне и Дантон были направлены в Комитет, но двое последних отказались.
- ⁴¹ Доклад от 5 нивоза II г.
- ⁴² Согласно Приёру (из Кот-д'Ор), замысел и составление декрета от 14 фримера принадлежали Бийо.
- ⁴³ «Moniteur», t.XVIII, p.95, 106; Saint-Just. Discours et rapports. Publies sous la direction de A. Soboul, p.116 et s.
- ⁴⁴ *G.Lefebvre*. Le gouvernement revolutionnaire (Cours de Sorbonne polycopie)
- ⁴⁵ См. этот закон: *P.Mautouchet*. Le gouveraiement revolutionnaire. Paris, 1912, p.233.
- ⁴⁶ Речь Кутона 21 нивоза II г. («Arch, parl.», t.LXXXIII, p.172).
- ⁴⁷ *G.Bouchard*. Op. cit.
- ⁴⁸ *A.Soboul*. Op. cit., p.139.
- ⁴⁹ *M.Reinhard*. Op. cit, vol.2, p.56.
- ⁵⁰ *G.Lefebere*. La Revolution francaise, p.373.
- ⁵¹ Заседание 19 плювиоза (*Robespierre*. Discours et rapports, t. X).
- ⁵² *A.Soboul*. Op. cit., p.825 et. s.
- ⁵³ *L.Thiesse*. Debate de la Convention nationale... Paris, 1828, 5 vol. Introduction, p. XIX.
- ⁵⁴ *P.Mautouchet*. Op. cit., p.63, 67.
- ⁵⁵ См. «Carnot de Robespierre»: «Надо, чтобы убежденный патриот сопровождал более слабого, состав миссий надо почаще обновлять или сменять; надо, чтобы у всех была общая инструкция, надо вести активную переписку, руководствуясь одинаковыми принципами и приспособляясь к местным условиям».
- ⁵⁶ Циркуляр от 4 нивоза.
- ⁵⁷ Циркуляр от 16 плювиоза. См. *P.Mautouchet*. Op. cit., p.272.
- ⁵⁸ Письмо Бантабола, Шартр, 6 плювиоза. См. *P.Mautouchet*. Op. cit., p.311.
- ⁵⁹ Письмо из Кламси, 25 нивоза; письмо Гиардена (Верхняя Луара и Ардеш), Прива, 13 вантоза. См. *P.Mautouchet*. Op. cit, p.315, 317.
- ⁶⁰ Например, Андре Дюмон или Лежандр и Луше (Нижняя Сена).
- ⁶¹ *A.Mathiez*. La victoire en l'an II. Paris, 1916, p.220.
- ⁶² *P.Mautouchet*. Op. cit., p.312.

- ⁶³ G.Martin. Les Jacobins. Paris, 1945; «Из истории якобинской диктатуры». Под ред. В. О. Алексеева-Попова. Одесса, 1962.
- ⁶⁴ Выступление Робеспьера в Якобинском клубе 27 апреля 1792 г. (*Robespierre. Oeuvres completes*, t.VIII).
- ⁶⁵ Заседание Конвента 29 октября 1792 г.
- ⁶⁶ A.Soboul. Op. cit., p.703-705.
- ⁶⁷ P.Mautouchet. Op. cit, p.115.
- ⁶⁸ «Journal universel», ? 1537. Заседание 18 плювиоза.
- ⁶⁹ Письмо общества в Бетюне от 11 нивоза II г.
- ⁷⁰ Заседание 11 брюмера по поводу общества в Касселе (*A.Aulard. La Societe des Jacobins*, t.V, p.491).
- ⁷¹ M.Reinhard. Op. cit, vol.2, p.87.
- ⁷² Письмо общества в Серилли (Аллие) 13 плювиоза («Arch. parl.», t.LXXXIV, p.147).
- ⁷³ Член Конвента Фабр жаловался, что каталонцы знают только свое наречие.
- ⁷⁴ См. его доклад и последующие прения: «Arch. Parl.», t.LXXXIII, p.713-716.
- ⁷⁵ Декрет от 8 плювиоза.
- ⁷⁶ По предложению Грегуара они с того времени писались по-французски («Arch. parl.», t.LXXXIII, p.186).
- ⁷⁷ Комитет народного образования действительно опубликовал «Recueil des actions heroiques» под редакцией Леонарда Бурдона.
- ⁷⁸ Письмо Народного общества в Рюменгаме 14 плювиоза («Arch. parl.», t.LXXXIV, p.194).
- ⁷⁹ Письмо муниципалитета г. Музон в Мезе 6 плювиоза («Arch. parl.», t.LXXXIII, p.64).
- ⁸⁰ «Arch. parl.», t.LXXXIV, p.18.
- ⁸¹ M.Bou1oiseau. Les debate parlementaires pendant la Terreur et leur diffusion. «Annales Historiques de la Revolution Francaise» (далее - А.Н.Р.Ф.), 1963, p.337 et s.
- ⁸² A.Soboul. Op. cit., p.286.
- ⁸³ См. M.Robespierre. Oeuvres completes, t. X.
- ⁸⁴ Так, 10 плювиоза муниципалитет Оссе (Нижняя Сена) пишет: «Уже четыре года, как Свобода - наш идол, но сегодня к ее культу мы присоединяем культ Разума, т. е. культ Верховного существа, отбросив тайну и суеверие» («Arch. parl.», t.LXXXIV, p.38).
- ⁸⁵ Les pretres abdicataires pendant la Revolution francaise - анкета, проведенная М. Рейнаром (175^e anniversaire de la Revolution francaise. Paris, 1964).
- ⁸⁶ 16 фримера свобода культов было вновь подтверждена декретом.
- ⁸⁷ G.Lefebvre. La Revolution francaise, p. 366.
- ⁸⁸ См. доклад Мари-Жозефа Шенье в Конvente («Arch. parl.», t.LXXXIX). - P.Mautouchet. Les fetes des Victoires a Paris sous la Revolution. - «Revue de Paris». 15 juillet 1919.
- ⁸⁹ B.Bois. Les fetes revohrtionnaires a Angers, de 1'an II a 1'an VIII, 1929; E.Chardon. Dix ans de fetes nationales et de ceremonies publiques a Rouen, 1911.
- ⁹⁰ A.Soboul. Op. cit, p.299.
- ⁹¹ Robespierre. Discours et rapports, p.243 et s.
- ⁹² Saint-Just. Fragments sur les institutions republicaines, publies par R. Mandrou. Paris, 1963, coll.10-15.
- ⁹³ Конституция 1793 г. особо требовала этого.
- ⁹⁴ M.Reinhard. Op. cit., vol.2, p.56.
- ⁹⁵ M.Robespierre. Oeuvres completes, t.IX.
- ⁹⁶ General Herlaut. Le colonel Bouchotte, ministre de la guerre en 1'an II, t.I-II. Paris, 1946.
- ⁹⁷ M.Reinhard. Op. cit., vol.2, p.62.
- ⁹⁸ Петиция федератов Конвенту 12 августа 1793; «Обратитесь с призывом к народу. Пусть поднимается весь народ, только он один может уничтожить столько врагов».
- ⁹⁹ Обсуждение проекта, предложенного Дюбуа-Крансе 8 января 1794 г. см. «Arch. parl.», t.LXXXIII, p.123.
- ¹⁰⁰ Она была основана 13 прериала II г. (1 июня 1794 г.). См. A.Chuquet. L'Ecole du Mars. Paris, 1899.
- ¹⁰¹ M.Reinhard. Nostalgic et service militaire pendant la Revolution. - А.Н.Р.Ф., 1958, N 1, p.1.
- ¹⁰² A.Mathiez. Op. cit., p. 241. См. также G.Michon. Robespierre et la. guerre revolutionnaire 1791-1792. Paris, 1937, p.127 et s.
- ¹⁰³ По предложению Робеспьера пенсии раненым и вдовам были увеличены на треть (5 нивоза II г.). Но после термидора пособия мало-помалу исчезли.
- ¹⁰⁴ P.Mautouchet. Op. cit., p.244.
- ¹⁰⁵ Закон от 14 фримера и постановление от 4 вантоза II г. (*A.Aulard. Recueil...*, под этими датами).

- ¹⁰⁷ G.Lefebvre. La Revolution francaise, p.383-384.
- ¹⁰⁸ P.Mautouchet. Op. cit., p.200.
- ¹⁰⁹ M.Reinhard. Op. cit, vol.2, p.72.
- ¹¹⁰ Инструкция от 14 плювиоза II г. Ср. A.Mathiez. Op. cit., p.233.
- ¹¹¹ Слова Карно. См. M.Reinhard. Op. cit., vol.2, p.90.
- ¹¹² P.Mautouchet. Op. cit, p. 199.
- ¹¹³ A.Soboul. La mission de Saint-Just a l'armee du Rhin. A.H.R.F., 1954, p.193 et 198.
- ¹¹⁴ A.N., AF II, 180.
- ¹¹⁵ M.Reinhard. Op. cit, vol.2.
- ¹¹⁶ Ibid., p.110.
- ¹¹⁷ Посланный в армию Самбры и Мезы с неограниченными полномочиями, Сен-Жюст был против планов Карно и все же дал сражение, как этого хотел Карно.
- ¹¹⁸ Ed.Herriot. Lyon n'est plus, t. III. Paris, 1937.
- ¹¹⁹ E.Goulet. Le Comite general des sections de Toulon, 1960.
- ¹²⁰ R.Cobb. Les armees revolutionnaires. Paris, 1961.
- ¹²¹ Ed.Herriot. Op. cit, t. IV.
- ¹²² J.Paris. Le Tribunal populaire martial de Toulon. - «Comite des Travaux historiques», Notices, 1925, p.75-130.
- ¹²³ L.Dubreuil. Histoire des insurrections de l'Ouest, vol.1-2. Paris, 1929; Ch. Tilly. The Vendee. Harvard Univ. Press, 1964 (chap.13); M.Faucheux. L'insurrection vendeeenne de 1793. Paris, 1964.
- ¹²⁴ C.Havard. Les ports de guerre pendant la Revolution francaise, 3 vol.
- ¹²⁵ N.Hampson. La mobilisation de la flotte de l'Ocean (1793-1794).
- ¹²⁶ M.Robespierre. Lettres a ses commettans, 2^e serie, N 6.
- ¹²⁷ A.Mathiez. Danton et la paix. Paris, 1919.
- ¹²⁸ A.Sorel. L'Europe et la Revolution francaise, t. III, IV; J.Grossbart. La politique polonaise de la Revolution. - A.H.R.F., 1929.
- ¹²⁹ M.Robespierre. Lettres a ses commettans, 2^e serie, N 5.
- ¹³⁰ G.Lefebvre. La Revolution francaise, p.368.
- ¹³¹ C.Richard. Le Comite de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur. Paris, 1921.
- ¹³² L.Tresse. Les dessinateurs du Comite de salui public. - «Techniques et civilisations», 1956.
- ¹³³ A.Mathiez. La mobilisation des savants en l'an II. - «Revue de Paris», 1-er decembre 1917, p.542-565.
- ¹³⁴ A.N., AF'II, 121.
- ¹³⁵ R.Mousnier. Progres scientifique et technique au XVIII siecle, p.278-279.
- ¹³⁶ G.Lefebvre. La Revolution francaise, p.388.
- ¹³⁷ Доклад Барера 14 плювиоза II г. («Arch. parl.», t.LXXXIV, p.175-577).
- ¹³⁸ Запалом (lumiere) назывался сквозной канал, проделанный в стенке орудия близ казенной части, через который воспламенялся пороховой заряд. Для предохранения запала от слишком быстрого расширения его просверливали в особом медном - запальном - стержне (grain).
- ¹³⁹ J.Godechot. L'areostation militaire sous le Directoire.- A.H.R.F.. 1931, p.213.
- ¹⁴⁰ G.Lefebvre. La Revolution francaise, p.358.
- ¹⁴¹ A.Montier. Op. cit., p. 231. В своих мемуарах Шудье воздает горячую хвалу Ленде и ставит его наряду с Карно.
- ¹⁴² R.Lindet au peuple francais. Broch. in 8°, an IV, p.10.
- ¹⁴³ M.Marion. Histoire financiere de la France depuis 1715, t.III.
- ¹⁴⁴ G.Lefebvre. Etudes orleanaises, t. II. Paris, 1962.
- ¹⁴⁵ См. речь Барера в Конвенте 11 брюмера II г.
- ¹⁴⁶ A.Mathiez. Les requisitions de grains sous la Tenreur. - «Revue d'histoire economique et sociale», 1920; A. Au1ard. Recueil des Actes du Comite de salut public. См. также о кампании Шосара: «L'Antifederaliste», octobre 1793.
- ¹⁴⁷ G.Lefebvre. La Revolution francaise, p.390.
- ¹⁴⁸ A.Mathiez. La vie chere et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927. p.429-430.
- ¹⁴⁹ M.Robespierre. Oeuvres completes, t.IX. Речь на заседании 2 декабря 1792 г.
- ¹⁵⁰ См. G.Bouchard. Op. cit.
- ¹⁵¹ A.Mathiez. La victoire en l'an II, p.176-177.

- ¹⁵² *G.Bouchard*. Op. cit.
- ¹⁵³ Предполагалось, что в общем не хватает свыше 27 миллионов центнеров.
- ¹⁵⁴ До мятежа Вандея доставляла в Париж 600 быков в неделю.
- ¹⁵⁵ «Arch. parl.», t.LXXXV, p.311.
- ¹⁵⁶ См. «Commission d'histoire economique et sociale de la Revolution. Assemblee generale de 1939», t.II, p.121-235.
- ¹⁵⁷ *H.Stein*. Restrictions et ravitaillement en 1793. - «Revue de Paris», 12 mai 1918, p.199-206.
- ¹⁵⁸ См. наряду с прочими закон от 27 июля 1793 г.
- ¹⁵⁹ Проект о снабжении Парижа, 21 нивоза II г. (A.N., F10, 235).
- ¹⁶⁰ речь 26 вантоза в Якобинском клубе (*Robespierre*. Oeuvres completes, I. X).
- ¹⁶¹ *G.Lefebvre*. La Revolution francaise, p.390-392.
- ¹⁶² *G.Lefebvre*. Le commerce exterieur en 1'an II. - La Revolution francaise, p.132-214.
- ¹⁶³ См. речь Ленде в Конвенте 2 жерминаля.
- ¹⁶⁴ *G.Lefebvre*. La Revolution francaise, p.386.
- ¹⁶⁵ Ibid., p.376.
- ¹⁶⁶ «Arch. parl.», t.LXXXIV, p.168.
- ¹⁶⁷ *Ph.Sagnac*. Le legislation civile de la Revolution. francaise; *P.Viard*. L'oeuvre juridique de la Convention. - «Ann. revol.», p.52-5-548.
- ¹⁶⁸ А.Собуль (*A.Soboul* Les sans-culottes parisiens, p.714-715) подводит итоги исследований еще мало изученного вопроса.
- ¹⁶⁹ *A.Mathiez*. L'oeuvre sociale de la Revolution francaise. - «Revue bleue». p.203-220.
- ¹⁷⁰ *J.Massin*. Robespierre, p.234.
- ¹⁷¹ *P.Mautouchet*. Le gouvernement revolutionnaire, p.291.
- ¹⁷² Речь от 10 октября 1793 г. См.: *Saint-Just*. Discours et rapports, p.116 et s.
- ¹⁷³ См. *A.Ording*. Le bureau de police du Comite de salut public. Oslo, 1930.
- ¹⁷⁴ *J.Godechot*. Les institutions francaises..., p.277; *A.Ording*. Op. cit., p.100-101.
- ¹⁷⁵ *A.Mathiez*. Les decrets de ventose sur le sequestre des biens des suspects. - A.H.R.F., 1928, p.193; *G.Lefebvre*. Questions agraires au temps de la Terreur, 2-е ed., 1954, chap.I.
- ¹⁷⁶ См. переписку, опубликованную *P.Mautouchet*. Op. cit, p. 110 et s. Лапланш пишет, например, 9 сентября 1793 г.: «Я намереваюсь арестовать сегодня ночью всех аристократов, подозрительных лиц и иностранцев, находящихся в Орлеане».
- ¹⁷⁷ *J.Massin*. Op. cit., p. 259; *L.Jacob*. Joseph Lebon. Paris. 1933. 2 vol.
- ¹⁷⁸ *J.B.Sirich*. The Revolutionary Committees in the Departments of France. Cambridge, Mass., 1943.
- ¹⁷⁹ Постановление написано Робеспьером. При изучении деятельности этой комиссии обнаруживается, что она вынесла 332 смертных приговора и 259 оправдательных (*S.Bonnel*. Les 332 victimes de la Commission populaire d'Orange).
- ¹⁸⁰ *H.Calvet*. Une interpretation nouvelle de la loi de prairial.- A.H.R.F., 1950, p. 305; *G.Lefebvre*. Sur la loi de prairial.- Ibid., 1951, N 3.
- ¹⁸¹ К первому августа 1793 г. в Париже было 1417 арестованных. Это число возросло до 4525 к 1 нивоза (21 декабря), а 26 вантоза (16 марта 1794) достигло 6249.
- ¹⁸² Ж.Лефевр (*La Revolution francaise*, p. 404) полагает, что общее число приговоров за все годы революции равнялось 17 тыс., причем 71% падал на районы гражданской войны и 15% - на Париж. См. *D.Greer*. The Incidence of the Terror. Cambridge, 1935.
- ¹⁸³ Речь 9 термидора (*Saint-Just*. Discours et rapports, p. 199 et s.).
- ¹⁸⁴ *M.Reinhard*. Op. cit., vol. 2, p. 137.
- ¹⁸⁵ *Lecointre*. Les crimes de 7 membres des anciens Comites..., an III (Bibl. Nat, 8° Lb41 1441).
- ¹⁸⁶ *A.Mathiez*. Les seances des 4 et 5 thermidor au Comite de salut public. - «Girondins et Montagnards». Paris, 1936, chap.VI.
- ¹⁸⁷ *P.Sainte Claire Deville*. La Commune de 1'an II. Paris, 1946, chap.IV.
- ¹⁸⁸ *A.Soboul et G.Rude*. La maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor. - A.H.R.F., 1954.
- ¹⁸⁹ *L.Thiesse*. Op. cit., t. I, Introduction, p.XVII et XXXV.

